

ЛАНА СИНЯВСКАЯ

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ
КОЛДУНА

ОЧЕНЬ СТРАШНЫЙ ДЕТЕКТИВ

ЛАНА СИНЯВСКАЯ — УЧАСТНИЦА ТЕЛЕВИЗИОННОГО ПРОЕКТА
«БИТВА ЭКСТРАСЕНСОВ»

Лана Синявская

Последняя ночь колдуна

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=182658
Последняя ночь колдуна: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-30631-2*

Аннотация

Даже среди бела дня, при большом скоплении людей Глаша безумно боялась своего деда. Девушка узнала о его существовании совсем недавно от адвоката, приехала в деревню и выяснила: она – внучка колдуна! Старик сказал, что завтра умрет, и взял с Глаши обещание положить в его гроб лаковую шкатулку с древним свитком, строго-настрога запретив читать его. И предсказание сбылось! Девушка выполнила просьбу колдуна, еще не зная, что очень скоро снова увидит свиток – кто-то рискнул раскопать могилу, чтобы заполучить древний артефакт...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3	26
Глава 4	40
Глава 5	51
Глава 6	59
Глава 7	72
Глава 8	81
Глава 9	92
Глава 10	105
Глава 11	121
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Лана Синявская

Последняя ночь колдуна

Глава 1

Букет роскошных лилий – это было первое, что она увидела, придя на работу. Белые, неправдоподобно огромные, они лежали на витрине у входа, роняя на стол ядовито-ржавую пыльцу с угрожающе растопыренных тычинок. Разложенные на стекле топики были небрежно сдвинуты на самый край, а на самом верхнем, белом с голубой бабочкой, вышитой стразами, красовалась неопрятная, смазанная полоса цвета свежего лошадиного помета. Топик был безнадежно испорчен.

Замерев на секунду, Глаша нахмурилась, потом коротко вздохнула и обвела глазами торговый зал. Из-за решетчатого стенда, который отгораживал небольшой закуток продавца, неторопливо выплыла Неля с равнодушно-скучающим выражением на широком лице. Подобное выражение Глаша наблюдала уже несколько месяцев, все это время пытаясь понять, откуда оно взялось у человека, которого она знала девятым год и, без преувеличения, любила, как самую близкую подругу.

Теперь они едва кивнули друг другу.

– Откуда это здесь? – спросила Глаша со вздохом, кивком

указав на букет.

Неля пожала плечами и нехотя ответила:

– Это цветы Амалии.

– Вот как? И что они делают в моем отделе? – Глаша все еще старалась сохранять спокойствие.

Неля приоткрыла рот, потом ее нижняя губа искривилась в точно рассчитанной обиде.

– Ты же знаешь, что у Амалии мало места.

Она сделала паузу, когда Глаша не отреагировала на ее слова, потом заговорила снова, как будто через силу:

– Выставка цветов в магазине закончилась. Образцы разрешили разобрать бесплатно. Вот Амалия и взяла себе букет. Что тебе, жалко, что ли?

– Нет, не жалко. Муля могла забрать себе цветы вместе с ведром, если ей так этого захотелось. Ее любовь к халяве мне известна. Но какого черта...

В отдел вошла покупательница, и Глаше пришлось понизить голос:

– Какого черта ты разрешила свалить этот пачкающий ве-
ник на наш товар?

Глаша схватила топик, демонстрируя безобразное пятно. Ни один мускул не дрогнул на равнодушном Нелином лице. Швырнув топ обратно, Глаша поспешно отошла к покупательнице.

Дама весом под центнер, благополучно проигнорировав все модели своего размера, резво протопала к стойке с мел-

когабаритными кофточками и, протянув пухлую руку, ухватила одну из них. Предвидя неминуемые последствия, Глаша рысью подскочила к ней и замерла рядом. Это был испытанный способ отделаться от неприятного клиента.

Дама с явным удовольствием разглядывала фитюльку и даже пару раз приложила ее к груди, любуясь на себя в широкое настенное зеркало.

Представив, что будет, если дама возжелает это на себя натянуть, Глаша крепко зажмурилась и тут же услышала:

– Есть еще что-нибудь веселенькое на меня?

– Нет, мадам, – не открывая глаз, пробормотала Глафира, – вас хочется обнять и плакать.

В зале повисла тишина.

Глаша испуганно приоткрыла один глаз, ожидая справедливого возмездия. Но бог миловал, дама лишь возмущенно фыркнула, швырнула блузку в руки Глаше и вынеслась вон, как небольшой ураган.

Закончив операцию по спасению блузки-малютки, Глаша обнаружила, что Неля успела ретироваться в закуток и теперь преспокойно пьет чай с миндальным печеньем. Букет остался лежать на прежнем месте, так же как и испорченные топики.

– Неля! – окликнула Глаша. Та недовольно обернулась. – Пожалуйста, отнеси Муле букет!

Неля хмыкнула, не торопясь подняться с места. Дожевав печенье и громко отхлебнув чая, она неторопливо встала,

обогнула Глашу и пошла к витрине. При этом даже ее спина демонстрировала возмущение. Глаша видела, как Неля взяла букет в руки. Потревоженная пыльца посыпалась на стекло, но Неля не обратила на это внимания. Бережно держа цветы перед собой, она шагнула к выходу, но в последний момент обернулась.

– Раз уж ты все равно здесь, я могу уйти пораньше? Мне срочно нужно домой. Муж просил.

Глаша отметила, что вопрос прозвучал как утверждение, но все равно обреченно кивнула, ругая себя мысленно за безвольный характер.

– Вот и хорошо, – Неля восприняла поблажку как должное, – все равно никто ничего не покупает!

Это был удар ниже пояса. Глафира не была жадной до денег, но сейчас каждую копейку приходилось считать, и Неля прекрасно это знала. Говоря так, она намеренно ткнула хозяйку в больное место.

Да, Глафира была хозяйкой этого крошечного отдела модной одежды в огромном старом магазине. А Неля – всего лишь продавцом. Когда-то они очень дружили, но это было словно в другой жизни. В той жизни все было по-другому. В ней были деньги, большое дело и успех. И любовь. И уважение. Теперь не осталось ничего. Или почти ничего. Так мало, что скоро и это немногое уйдет, просочится, как песок сквозь пальцы.

Глаша сосредоточенно посмотрела на свою ладонь, буд-

то ожидала увидеть на ней крохотные песчинки. Подавив вздох, она вернулась за перегородку, повесила сумку на вешалку, сменила туфли на более удобные, затем нашла влажную тряпку и отправилась оттирать прилавок от пылицы.

Пыльца оказалась въедливой и вездесущей, как кислота. Глафира снова и снова терла тряпкой казавшуюся чистой поверхность, но все равно появлялись новые следы. В конце концов она сгребла топики в охапку и решила перенести их в другое место, чтобы потом развесить на плечиках. Было очевидно, что пользоваться прилавком в ближайшее время не стоит.

Неожиданно в отдел повалили одна за другой покупательницы. Глафира едва успевала подносить вещи. От природы она обладала очень хорошим чувством стиля, и ей почти всегда удавалось подобрать клиентке такой ансамбль, который скрывал все недостатки фигуры и делал достоинства неоспоримыми. Постоянные клиентки не только шли специально «к Глаше», но и знакомых посылали исключительно к ней, поэтому в дни, когда Глафира сама становилась за прилавком, выручка всегда была приличная. Сегодняшний день не стал исключением. Когда последняя покупательница покинула отдел, нагруженная фирменными пакетами, Глаша буквально не чувствовала ног от усталости, а до закрытия магазина оставалось всего полчаса.

– Кончай вкалывать, пошли чай пить, – раздался от входа веселый резкий голос. – Всех денег не заработаешь!

Глаша с улыбкой обернулась к Вале – роскошной коротко стриженной блондинке гренадерского роста – и согласно закивала головой.

Когда они вместе, заперев отдел, отправились в соседний отсек, где Валя торговала детской одеждой, Глаша с удивлением увидела стоящих рядышком Нелю и Мулю. Женщины что-то оживленно обсуждали, но Мулю, заметив Глашу, приторно-сладко поздоровалась.

– Ишь, разулыбалась. Точно гадость какую-то замышляет. – В голосе Вали сквозила презрительная усмешка. Мулю она терпеть не могла, впрочем, как и все остальные, кто работал в магазине. Единственным человеком, проникшимся симпатией к этой скользкой неприятной особе, оказалась Неля.

– Ну что там опять твоя кукунда отколола? – встретила их вопросом Динка – темноволосая худенькая, как подросток-акселерат, очень высокая женщина. Она разлила всем чай и разложила на тарелке сладости.

– А то ты не знаешь, – опередила Глашу с ответом Вали. – Опять перед Мулькой выслуживается. Глашка скачет как очумелая, а эти две мымры болтают. Ты куда смотришь, Глаш, а? Ты ей за это деньги платишь? Или они у тебя лишние?

– Но она... – Глаша мучительно покраснела, – она отпросилась. Сказала, что срочно надо...

– Давно? – мрачно спросила Валя.

– Что «давно»?

– Отпросилась, говорю, давно?

– Часа два назад... – Глаша опустила голову, спрятав лицо в пышных золотисто-рыжих волосах.

– Не два, а три, – безжалостно поправила Динка. – И долго это будет продолжаться? – обратилась она почему-то к Вале.

Та презрительно фыркнула. Глаша устало опустилась на стул и подперла щеку кулаком. Девчонки были правы. Они искренне беспокоились из-за того, что творилось между Глашей и Нелей. Все они познакомились не так давно, где-то полгода назад, и первое время Глаша их немного побаивалась. Дело в том, что обе девушки, как нарочно, оказались очень высокими, тогда как Глашин рост не превышал метра шестидесяти. Разговаривая с ними, ей постоянно приходилось смотреть снизу вверх, и это было непривычно. Сейчас она уже не обращала внимания на разницу в росте, а иногда даже извлекала из этого некоторую выгоду. Динка, например, могла легко открыть форточку, до которой Глаша не доставала даже с табуретки. А Валя обладала недюжинной силой и бойцовским характером – сказывалось наличие двух сыновей-подростков.

Помимо невысокого роста, Глаша обладала чересчур мягким характером, который ее муж окрестил патологической вежливостью. Валя с Динкой единодушно взяли шефство над своей мелкокалиберной подругой.

Никогда в жизни о ней никто не заботился. А ведь мень-

ше чем через год Глаше исполнится тридцатник. Мама умерла почти десять лет назад, отца Глаша даже не знала. Была еще бабушка, но та, хоть и любила внучку, воспитывала ее в строгости, сюсюканий не признавала.

Что касается мужа, то особой заботы от него ждать не приходилось. Глаша выбрала его из многочисленной толпы поклонников лишь потому, что он больше других соответствовал одной ей известной цели. Он был положительным и предсказуемым. Он жил словно по раз и навсегда установленному порядку: всегда пребывал в ровном настроении, приходил на все встречи заранее, по пятницам пил пиво с друзьями (не более одной кружки), не ел жирного и острого. Это было здорово, но всему есть предел. Иногда Славик начинал бесить ее своей предсказуемостью.

Глаша гнала прочь свое раздражение, ибо характер Славика гарантировал безупречную репутацию, а репутация – это то, чем девушка дорожила больше всего на свете.

Грязные сплетни, которые ходили о ее матери многие годы, заставили Глафиру выверять каждый свой шаг, носить нарочито бесформенную одежду и не пользоваться косметикой. Она достигла совершенства в умении ловко сочетать немаркость с практичностью, не выходя из серо-коричневой гаммы. И все ради сохранения безупречной репутации. Несмотря на это, ее бабушка то и дело повторяла: «Дурная кровь». Эти слова были для Глаши как пощечина. Иногда все в ней бунтовало, ей хотелось послать всех куда подальше,

нарушить правила и сделать ошибку. Здоровый пофигизм ей был необходим, как приправа к мясу, но она не умела им пользоваться и довольствовалась преснятиной.

Глаша очень любила мать, но ненавидела мир, в котором та жила. Этот мир играл с ней и в конце концов сломал, как надоевшую куклу. Глаша не хотела стать куклой, а для этого здесь, в городе, где родилась мать и куда бабушка привезла Глашу после ее смерти, никто не должен был догадаться, чья она дочь. Так советовала бабушка, и так хотела сама Глаша. Она не перестанет любить свою знаменитую и непутевую мать, но она никогда не станет на нее похожей.

Глава 2

– Ты должна ее уволить, – Валя резко пододвинула свой стул, царапнув пол металлическими ножками.

– Не могу, – Глаша улыбкой попыталась подсластить свой отказ.

Валя глубоко вздохнула и принялась выкладывать из пакета свои запасы: бутерброды с ветчиной, картофельные чипсы и небольшой, по ее понятиям, вафельный торт. Глаша смутилась, вспомнив, что сегодня ничего не принесла к общему столу.

– Ешь, – придвинула к ней бутерброд Валя.

– Спасибо, что-то не хочется, – соврала Глаша.

– А я говорю – ешь. – Валя с хрустом разорвала пакет с чипсами и высыпала их на пластиковую одноразовую тарелку.

Вкусно запахло жареным картофелем. Глаша сглотнула слюну и постаралась посмотреть в другую сторону. «Девчонки подумают, что я настоящая свинья, – пришло ей в голову. – Лучше уж немного поголодаю».

– Глафира, хватит ломаться. Жуй давай! – Валентина нахмурила светлые брови. – А то будешь, как Динка.

– Это ты о чем? – насторожилась та.

– Все о том же, – хмыкнула Валя. – Ты такая же худющая.

Динка в шутку замахнулась на Валию, которая осталась

невозмутимой.

У каждой из них имелись свои слабости, но они были уже настолько близки, что над этими слабостями позволялось шутить. На Вальку вообще невозможно было обидеться. Внешне суровая, она была добрейшим существом, и девочки это прекрасно знали.

– Валя права, тебе, наверное, стоит расстаться с Нелей, – вздохнула Дина немного погодя.

Глаша хотела ответить, но сначала ей пришлось дожевать только что откушенный кусок бутерброда.

– Знаю, знаю, ты не можешь, – ответила за нее Валя язвительным тоном. – Ну и дура. Тебе на голову сели, а ты и рада.

– Ну почему сели? Неля очень обязательная. Я ее давно...

– Ты ее давно знаешь, – закончила Валя с усмешкой. – Ни черта ты не знаешь. Динка, скажи ей наконец.

Валя требовательно обернулась к Дине. Та пожала плечами.

– А что говорить? Снюхалась твоя Неля с Мулей. Но ты и сама это знаешь.

– Знаю. Наверное, Муля ей чем-то нравится.

– Ну ты и клуша! – Валя возмутилась всерьез. – Чем может нравиться эта тварь, а?

– Ты не права, – вмешалась Дина. – Муля, когда захочет, умеет влезть человеку в душу.

– Это да! Это она умеет. Только не забывай, что наша крыса ничего не делает просто так. Если она тебе улыбается и

льет в уши конфитюр – жди подлянки.

– Неля сама должна решать... – заикнулась было Глаша.

– Да насрать мне на твою Нелю! – заорала Валя. – Они на пару тебя обворовывают! Без тебя Муля в твоём отделе хозяйничает. Сколько раз клиентов выпроваживала: то магазин закрывается, то ляпнет какую-нибудь гадость по поводу одежды, то еще что.

– Действительно, – кивнула Дина. – Муля постоянно говорит гадости про твой товар. И Неля сама должна была бы пресечь это безобразие.

– Видимо, Неле не нравятся наши вещи, – грустно предположила Глафира.

– Хм, не нравятся! А что она вообще понимает в одежде? Ты глянь на нее – зимой и летом одним цветом, и все цвета – с китайского рынка, – съязвила Валя.

– Дело не в этом, – досадливо поморщилась Дина. – Нравится – не нравится, это все философия. Если она продавец, то ее задача – объяснить клиенту, почему ему необходимо купить этот конфетный фантик за миллион долларов. Нужно любить свой товар, даже если это трудно. А твоей Неле легко, у тебя тряпки – загляденье!

– И она умудряется ни черта не продать. – Валя сердито фыркнула. – Заметь, как Глашка сама выходит – есть выручка, как Неля стоит – сплошные нули. Да вот хоть сегодня!

– Может, ей Муля мешает? – робко высказалась Глаша.

– И что? Ей Муля, что ли, зарплату платит? – нахмурилась

Дина.

– Да нет, конечно.

– Вот именно, что нет, а Нелька у нее на побегушках: подай-принеси, покарауль прилавок... Она и рада стараться, отдел бросит и бегом к Муле. Тьфу, смотреть противно. – Валя сунула в рот горсть чипсов и так остервенело стала перемалывать их зубами, будто это были Мулины косточки. Глаша растерянно повернулась к Дине, но та отвела глаза со вздохом.

– Валя правду говорит. Неля как загипнотизированная. И ведь взрослая женщина, а повелась на такую дешевку.

– Ты еще про пироги расскажи! – вставила Валя.

– Какие пироги?

– Да обычные. – Дина снова вздохнула. – Неля каждую неделю дома пирог печет с мясом и Муле приносит.

– А зачем? – Глаша растерялась. Ничего подобного по отношению к ней самой Неля никогда не делала, хотя действительно умела печь великолепно – Глаша как-то раз попробовала ее выпечку на одной из корпоративных вечеринок.

– Зачем? – переспросила Валя мрачно. – А хрен ее знает. От большой любви, наверное.

Глаша кивнула понимающе, в ее глазах стояли слезы.

– За что? – прошептала она еле слышно.

– Ну, знаешь ли... – Короткая светлая челка Вали воинственно встопорщилась.

– Валя, хватит. Оставьте ее в покое! – решительно сказала

Дина и за спиной Глаши показала Вале кулак. Валя насупилась.

– Ой, Глаша, – встрепенулась Дина, – ты ж сегодня дежурная!

Глаша застонала. Этого еще не хватало. Дежурство выпадало всем арендаторам по очереди раз в месяц. И сегодня была Глашина очередь.

– Ну надо же! А я Славку попросила за мной к семи подъехать. Он злиться будет, ждать не любит, – сокрушенно покачала она головой.

– Подождет, ничего ему не сделается, – фыркнула Валя. – На твои деньги живет, так может и потерпеть лишние полчаса.

Глаша, торопливо запихнув в рот остатки бутерброда, умчалась ко входу в магазин. Время подходило к семи вечера, и в обязанности дежурного входило не впускать внутрь припозднившихся покупателей.

Сегодня покупатели попались на редкость упорные, и Глаше пришлось проторчать возле дверей лишние двадцать минут. Мимо нее пробежали продавцы других отделов, бросая на ходу «пока». Это коротенькое слово имело массу оттенков – от искренне дружелюбного до холодно-официального. Дружелюбных «пока» было больше. Глашу в магазине любили.

К тому моменту, когда Глаша наконец освободилась, на улице уже смеркалось. День выдался хмурый, по-настоящему-

му осенний. Небо словно обложили грязной ватой, моросил дождь. Глаша не очень огорчилась из-за плохой погоды. Ей нужно лишь добежать до машины, и она окажется в теплом и сухом салоне. Помня о том, что Славику пришлось ждать ее дольше, чем предполагалось, она так торопилась, что даже забыла поменять туфли. Лодочки на каблуке она носила на работе, для улицы у нее были устойчивые полусапожки на плоской подошве.

Быстро идя по асфальту, Глаша оступилась и угодила в лужу. Одна туфля мгновенно намочила, на тонкой замше проступило некрасивое пятно. Глаша поморщилась, но не остановилась. Щурясь, она вглядывалась в ряды машин на стоянке, вытискивая бежевую «девятку» Славика. Бежевых машин было несколько. Глаша добежала до одной, но вблизи обнаружила совершенно другой номер. Вторая оказалась вообще «восьмеркой». Наконец девушка добралась-таки до своей машины. Зонта у нее не было, так как с утра на небе всюду сияло солнце, и теперь волосы ее намочили и некрасиво облепили голову, тушь наверняка потекла, с кончика носа капала вода.

Возле машины Глашу поджидал сюрприз. Когда она дернула за ручку, машина оказалась запертой и противно квакнула, намекая на включенную сигнализацию. Девушка растерянно покрутила головой в поисках мужа.

Лучше бы она этого не делала. Его фигуру она разглядела под навесом возле магазина, но долго не могла поверить,

что это он. Разве может на шее у ее благопристойного Славика висеть какая-то посторонняя девица в кожаных малиновых брючках и красном кокетливом берете? Но девица была. Причем одними объятиями дело не ограничилось. Прежде чем помахать ему рукой на прощание, она чмокнула в щеку благоверного Глаши ярко-красными хищными губами.

И Глаша и Славик провожали девицу глазами до тех пор, пока она не скользнула в маленькую алую машинку, припаркованную неподалеку, только выражение их глаз было диаметрально противоположным.

Забыв про дождь, Глаша никак не могла прийти в себя от только что увиденного. Стерев ладонью воду с лица, она машинально прикусила пальцы, ощутив во рту странный вкус дождевых капель. Они почему-то были солеными и слегка отдавали хлоркой.

Славик возник рядом, когда она совсем забыла о нем, погруженная в собственные мысли. Услышав его хмурое «привет», она вздрогнула. Неловко попятившись, она чуть было не споткнулась о толстую ветку, взмахнула руками и, чтобы не упасть, ухватилась за лацкан его плаща. Легкое презрение, на мгновение проскользнувшее в его взгляде, было столь очевидно, что Глаша внутренне содрогнулась. Она вдруг почувствовала, что он едва сдерживается, чтобы не отцепить ее пальцы от своей одежды. Она знала, что он этого не сделает, но ей от этого было не легче.

– Ну, что стоишь? Давай в машину, – проговорил он

нетерпеливо. – И так столько ждать пришлось.

Глаша нервно хихикнула. Славик недоуменно вскинул бровь.

– Тебе весело? – хмыкнул он.

– А тебе?

Глаша склонила голову набок и посмотрела ему в глаза. В них плескалось жидкое равнодушие, слегка разбавленное раздражением. Славик пожал плечами, не собираясь отвечать на глупые вопросы.

– Ты чего опять кислая? – спросил он, доставая из кармана брелок сигнализации после того, как Глаша выпустила наконец его лацкан.

– Опять? А я что, часто бываю кислая? – спросила Глаша с искренним интересом. Он что-то уловил в ее тоне и быстро обернулся, взглянув ей в лицо. Лицо ухмылялось с таким выражением, которое могло бы напугать даже зеркало. Славик вздрогнул.

– Что это тебя сегодня на разборки потянуло? – Его голос звучал угрюмо, но где-то в самой его глубине таилось беспокойство.

А Глаша, напротив, внезапно успокоилась. К ней вернулась способность думать.

Она поняла, что все кончилось, внезапно, сразу. Их брак с самого начала был никому не нужным, всего лишь жалкая ширма для ее комплексов. И все же, все же... Сначала Неля – близкий, хорошо знакомый человек, почти подруга. Теперь

вот Славик, чье общение с миром было стабильно, как расписание немецкой пригородной электрички. Слишком много для одного дня. Слишком жестоко потерять в один день всех, к кому ты был привязан долгие годы. И почувствовать себя преданной и никому не нужной тоже жестоко. Но такова жизнь. Так всегда говорила ее бабушка. Еще она утверждала, что человек рожден не для радостей, его удел – страдание во имя искупления грехов. А что делать, если у тебя нет грехов? Во имя чего она переживает сейчас все эти муки и унижения? Или во всем виновата ее мать? Может ли такое быть, чтобы дочери выпала доля платить по счетам матери? Мама стремилась жить на виду, делая свою жизнь одним бесконечным праздником, полным веселья, музыки, поклонников. Она так много веселилась, так ярко блистала, что на долю ее дочери остались лишь серые будни.

Нет! Глаша трянула головой так яростно, что с ее волос полетели брызги. Она не должна так думать о матери. Вот это и есть грех – предательство. Пусть ее сегодня дважды предали, пусть будут предавать и в дальнейшем, она это вытерпит как-нибудь. Вытерпит, но сама никого не предаст.

– Заснула ты, что ли? – донесся до нее, как сквозь вату, раздраженный голос мужа. – Садись в машину, холодно!

Глафира недоуменно посмотрела на него, словно не узнавая.

– Я не поеду, – выдохнула она и сразу почувствовала облегчение. Сказать это оказалось так просто.

– Как это? Ты что, спятила?

– Нет. Я не поеду с тобой домой. И ты не поедешь. Мы больше не будем жить вместе.

– С каких это пор?

– С этой минуты.

– Да ты что такое говоришь? Какая муха тебя укусила? – Славик наконец сообразил, что происходит что-то серьезное. Сложить в уме два и два было несложно. – Ты что, шпионила за мной? – прошипел он, хищно щурясь. Глаша впервые увидела, каким злым и неприятным может быть его всегда спокойное лицо. Нос заострился, губы сжались в узкую полоску, глаза угрожающе поблескивали.

– Я не шпионила! Впрочем, ты особенно и не таился, – пожалала она плечами, пытаясь сглотнуть колючий комок, который застрял в горле и мешал ей дышать.

– Так ты видела? Ну что ж, сама виновата! – воскликнул Славик с неожиданным пафосом. – Нечего совать свой нос куда не надо. Меньше знаешь – крепче спишь. Слыхала?

Глаша удивленно посмотрела на него. Он говорил, высушившись из машины по пояс, а она продолжала стоять под дождем, но они не обращали на это внимания, как будто каждый занял свою территорию и не собирался переступить невидимую границу.

– В чем я виновата? – тихо спросила Глаша.

– Ты еще спрашиваешь? Посмотри на себя! На кого ты похожа! Лахудра лахудрой! Надо мной все друзья смеются,

говорят, что я живу с дохлой курицей!

– И ты нашел себе павлина, – вяло парировала Глаша.

Обидные слова больно ранили Глашу, но она старалась не замечать этой боли. Ей лишь хотелось, чтобы все поскорее закончилось, и тогда она сможет пойти домой, выплакаться, зализать свои раны и подумать, как жить дальше. Только домой она должна попасть одна, она не могла больше терпеть этого человека рядом с собой ни одной лишней минуты. Для этого нужно было потерпеть еще немного, выслушать все оскорбления до конца, а потом забрать у него ключи от квартиры. Ему есть куда пойти: у него есть друзья, мать с отцом, наконец, эта фифа на алой малолитражке, а у нее нет ничего, кроме дома. Ее дом – все, что у нее осталось.

Славик тем временем все больше входил в раж. Его словно прорвало. Он бросал ей в лицо гадости одну за другой, она молча слушала, терпеливо дожидаясь, когда ему надоест поливать ее помоями. Странно. Изменил ей он, а оскорбления получает она. Где справедливость?

Оказалось, что Глаша сама во всем виновата, нечего было носить бабкины вязаные душегрейки. Раздеть ее взглядом не сможет даже сексуальный маньяк, а ее самое вызывающее белье может соперничать в сексуальности разве что с байковой пижамой советских времен. Выяснилось, что он, Славик, тоже человек и он не хочет из-за ее дурацких комплексов лишаться визуального аспекта своей и без того нелегкой сексуальной жизни. Продолжая выкрикивать гадости, Сла-

вик яростно захлопнул дверцу, едва не прищемив ей нос. Глаша была раздавлена, однако, вместо того чтобы спастись бегством с места своего позора, она нагнулась к машине и постучала в стекло костяшками пальцев.

– Верни мне ключи, пожалуйста, – тихо, но твердо попросила она.

Он приоткрыл окно, взгляд его потемнел. Какое-то время он сидел, тупо глядя на нее. Потом, точно вспомнив что-то, сунул руку в карман просторного плаща, достал ключи, демонстративно отстегнул брелок и швырнул связку под ноги Глаше в грязную жижу. Взревел мотор, и машина, обдав Глашу напоследок брызгами, с визгом покрышек по асфальту рванула с места.

Девушка сгорбилась, низко опустила голову и некоторое время стояла, глядя на мутную воду и не решаясь достать из лужи ключи. Затем медленно, как бы через силу, нагнулась, опустила руку в грязь – при этом лицо ее жалко сморщилось – и выудила кольцо, на котором, позвякивая, болтались два ключа: один простой, а другой – длинный с затейливой бородкой. С ключей капала грязная вода. Глаша, неловко держа ключи двумя пальцами, свободной рукой расстегнула сумочку и долго шарила в ней в поисках носового платка. Он обнаружился в боковом кармашке и вид имел не очень свежий. Правда, после того, как она обтерла им ключи, его вообще осталось лишь выбросить. Что Глаша и сделала, как только ей на пути попала урна.

Уже совсем стемнело, а ей еще предстояло минут двадцать ковылять до остановки троллейбуса. В легких туфлях на шпильках, под дождем по сплошной грязи это путешествие представлялось настоящей пыткой, но отступить было некуда.

Глаша поправила на плече сумочку, вздохнула и сделала первый шаг в новую жизнь.

Глава 3

Улица была почти пуста. Редкие прохожие обходили Глашу стороной. Она была похожа на пьяную: без зонта, мокрая, жалкая в осенней куртке и летних туфлях. Тонкие каблучки то и дело попадали в скрытые водой выбоины, и Глафиру пошатывало.

Асфальтовая дорожка, по которой шагала девушка, тянулась вдоль трассы с довольно оживленным в этот час автомобильным движением. Глаша, погруженная в свои мысли, не обращала на него внимания. Она не сразу увидела, что рядом с ней едет машина, но когда раздался резкий гудок, она, вздрогнув, остановилась.

Пьяный голос из автомобиля окликнул ее:

– Эй, телка, ты свободна?

Из открытых окошек «Нексии» на нее скалились четверо парней самого похабного вида. Голова того, что сидел рядом с водителем, напоминала шерсть бродячего пса в колтунах и репейнике. Глаша знала, что эта прическа называется «дреды». Вдобавок к живописной шевелюре парень имел в ухе сразу три серьги и пирсинг под нижней губой. Все вместе выглядело угрожающе.

Глаша содрогнулась от отвращения, когда тип в дредах высунул в открытое окошко руку и попытался ухватить девушку за рукав. Она шарахнулась в сторону, а тип под гогот

своих товарищей вновь спросил:

– Прокатимся, детка?

– Отвяжись!

Глаша развернулась и ускорила шаг. Машина последовала за ней, вкатившись на тротуар и чуть не наезжая на пятки.

– Ты куда? – летело ей вдогонку. – Как насчет свидания?

Нас всего четверо, и мы ребята что надо!

– Да ну ее, – раздался другой голос, более тонкий и сиплый. – Она вся какая-то облезлая и мокрая, загваздает нам салон.

– А мы ее обсушим, – загоготал кто-то третий. – Мы ребята горячие!

Глаша почти бежала. Машина не отставала, а парни в машине уже икали от смеха.

Глаша поняла, что ей не убежать. Еще немного покуражатся и затащат ее в салон, завезут в какую-нибудь подворотню и будут глумиться, пока не устанут. Хорошо, если убьют. А если оставят в живых?

Девушка судорожно всхлипнула, озираясь на бегу, как загнанное животное, ничего не видящими от слез глазами. Машина лениво преследовала ее, сигналила и слепя фарами.

– Оставьте меня в покое! – закричала она.

– Ох, какие мы недружелюбные, – придурок с дредами погрозил ей пальцем. – Мы к тебе по-хорошему, а ты...

В машине опять загоготали.

– Отвалите, уроды! – взвизгнула она.

– Глянь, телка заводится, – заметил водитель, мерзко ухмыляясь.

Вильнув рулем, он попытался прижать ее к стене дома. Глаша увернулась в последнюю секунду. Она чувствовала, как у нее бешено колотится сердце. Ухмыляющиеся морды расплывались перед ее глазами. Она задыхалась.

Отморозок в дредах по-прежнему тянул к ней руки. Водитель стал теснить ее к стене, чтобы тот мог ее схватить.

– Нет! – уворачиваясь от него, вопила Глаша сквозь слезы.

Из заднего открытого окна в нее швырнули тлеющий окурок. Он попал ей в карман.

– Гол!!! – завопили в машине с экстазом.

Ткань куртки задымилась. Глаша сунула руку в карман, обожгла пальцы и, совершенно обезумев от ужаса, стала стаскивать с себя куртку.

– Стриптиз! О-о-о! Давай, детка!

Она услышала, как захлопали дверцы, завизжала, швырнула в них куртку и бросилась бежать. Топот и улюлюканье следовали за ней по пятам.

«Звери! Тупые животные!» – рыдала она.

Глаше показалось, что она налетела на столб. От удара у нее зазвенело в голове. Она отшатнулась. Столб оказался человеком. Огромный, как гора, он стоял и с недоумением взирал на нее сверху.

Сначала она подумала, что это один из преследователей, который забежал вперед. Но этот тип не делал попытки схва-

тить ее, просто стоял и смотрел, не говоря ни слова.

Преследователи почему-то остановились. Глаша боялась повернуть голову, чтобы посмотреть, что происходит у нее за спиной.

– Эй, детка, отцепись от дяди и топай сюда, – с ласковой угрозой позвал ее парень в дредах. – Это наша девка! – пояснил он мужчине, давая понять, что добычей делиться не станет.

Глаша всхлипнула, замотала головой и попятилась.

– А ну, двигай сюда, живо! – проревел еще один.

Шагнув вперед, он попытался схватить ее за руку. Глаша дико завизжала. Она не соображала, что делает, но делала все быстро. Она повисла на шее у мужчины, вцепившись ногтями в его кожаную куртку.

– Это кто тут у нас? – пророкотал у нее над ухом очень низкий, слегка гортанный голос.

– Г-Глаша, – прошелестела она.

Метнув вверх затравленный взгляд, она, к своему ужасу и позору, обнаружила, что вопрос был обращен вовсе не к ней. Мужчина пристально, но спокойно смотрел на сбившихся в кучу Глашиных преследователей.

Вообще-то парни настроились хорошенько повеселиться с насмерть перепуганной девушкой. Она так славно удирала, что в них проснулся азарт. Мужик, на шее которого грушей повисла их законная добыча, заметно портил пейзаж.

Их первой реакцией было одно – попытаться дать в «бу-

бен» мужику, тем более что он был один, а их – четверо. Но вдруг их что-то остановило. Возможно, ледяной взгляд этого типа. Он их не боялся, и они это чувствовали. Кроме того, Баклану – парню с дредами – тип показался знакомым. Когда его утонувшие в пиве мозги не без усилий всплыли на поверхность и он смог сообразить, кто перед ним, его спине стало жарко и веселиться как-то сразу расхотелось.

– Святой? – неуверенно пробормотал он, все еще надеясь, что обознался.

Глаша с удивлением уловила в его голосе страх.

Мужчина не ответил. Он продолжал стоять, засунув руки в карманы куртки и как будто не замечая Глаши, болтавшей-ся на его шее.

– Святой, ты каким ветром здесь? – Баклан попытался скрыть позорную дрожь в голосе за фамильярностью. – Твоя, что ли, девка?

Глаша знала ответ и в испуге вцепилась в кожаного изо всех сил. Но он не сказал «нет», зато тихо и зло прошипел ей в ухо:

– Отцепись...

Глаша лихорадочно соображала. Предстояло выбрать из двух зол.

Ублюдки позади или разъяренный тип прямо перед носом. Она выбрала второе и обняла мужика покрепче. Он тихо крикнул.

Парни занервничали. Похоже, прозвище «Святой» было

им хорошо знакомо и они предпочитали с ним не связываться.

– Ладно, Святой, без обид, – раздался писклявый голос, – мы отваливаем! Девка эта нам по фигу.

– А чего ловили? – спросил Святой без любопытства.

– Да так... скучно.

– Если скучно, Чика, тебя ведь так звать? – езжай на проспект, сними там шлюху и оттянись по полной, – посоветовал Святой почти по-отечески. – Нехорошо пугать обывателей.

На «обывателей» Глаша почему-то обиделась.

– Кто ж знал, что она эта... как его... обывательница. Мы думали, обычная соска. Иначе с какого кайфа она на шпильках в такую погоду?

Святой пропустил оправдание мимо ушей, и тогда третий парень добавил:

– Мы ж ничего ей не сделали!

«Ничего себе ничего! – возмутилась Глаша. – Напугали до смерти и куртку почти новую прожгли!» – но возмутилась она про себя и только скрипнула зубами.

– Ну что, пошли мы? – спросил тем временем Баклан.

– Валите, – разрешил Святой.

Топот ног стих подозрительно быстро. Глаша пошевелилась.

– Может, наконец слезешь с моей шеи? – язвительно обратился к Глаше ее спаситель.

Глаша мгновенно разжала скрюченные от напряжения

пальцы и быстро отпрыгнула в сторону. Сумочка, которая не потерялась во время погони каким-то чудом, больно ударила ее по бедру.

– Спасибо, – неуверенно пробормотала она.

– Не стоит.

Он сказал это таким тоном, что Глаша покраснела. Она поняла, что на спасенную героиню в его глазах явно не тянет. Он оглядел ее с ног до головы без интереса и даже вроде бы презрительно. Только на мокрых открытых туфлях взгляд задержался чуть дольше.

– Я не успела переобуться, – Глаша зачем-то начала оправдываться. – Меня должны были встретить... после работы... на машине...

– Чего ж не встретили? – Насмешка его была просто оскорбительной.

– Не ваше дело! – огрызнулась она.

– Далеко в таком виде ты не утопаешь. Баклан с бандой на улицах не единственные, – проинформировал Святой.

– Доберусь как-нибудь, – попыталась Глаша продемонстрировать свою независимость.

– До дома подбросить?

А вот этого она не ожидала. Предложение Святого вдруг напугало ее. С чего вдруг такая доброта? Как женщина она его не заинтересовала, это и слепому ясно, а свой лимит на добрые дела он исчерпал на год вперед тем, что отбил совершенно незнакомую девицу у шпаны. Что, если он тоже ка-

кой-нибудь браток или – бери выше – авторитет? Напугать тех психов было непросто. Они сами кого хочешь испугают, и все же они убралась, поджав хвосты, хотя Святой даже ни разу не повысил голос.

Испугав сама себя до дрожи в коленках, Глаша, мелко семеня ногами, попятилась.

– Спасибо, до дома не надо, – сказала она, изобразив на застывшем лице подобие вежливой улыбки.

– Дело твое, – легко согласился «браток-авторитет».

Она уже вздохнула было с облегчением, расслабилась и тем самым допустила ошибку. Святой вдруг резко шагнул к ней, обхватил, сунул себе под мышку. Потом свободной рукой открыл дверь стоящего рядом джипа и зашвырнул ее на заднее сиденье, как куль с мукой.

Глаша рухнула вниз с протестующим визгом и тут же вскочила, как будто по мягкому кожаному сиденью были рассыпаны канцелярские кнопки. Девушка метнулась к дверце и принялась двумя руками остервенело дергать ручку. Замки оказались заблокированы.

Святой невозмутимо уселся на водительское место и повернул ключ зажигания. Мотор тихо заурчал. Какая-то тряпка пролетела мимо Глаши и шлепнулась рядом на сиденье. Интересно, когда он успел подобрать ее куртку?

Глаша сопела ему в затылок, кося глазами по сторонам и прикидывая, чем бы половчее огреть негодяя.

– Попробуешь напасть сзади – получишь в ухо, – услыша-

ла она его спокойный голос.

– Да как вы смеете?! – Глаша задохнулась от возмущения. – Что вам от меня надо?!

– От тебя? Ничего. Довезу до места, высажу, где скажешь, и топай на все четыре стороны. Ничего личного, так что не обольщайся.

Глаша зарычала от ярости. Да что он о себе возомнил? Почему издевается над ней? С какой стати?

– Это вы не обольщайтесь, – прошипела она. – Признаться, я предпочитаю мужчин помоложе, а то с возрастом мужчины киснут, знаете ли. Что это с вами? – изобразила она удивление. – Вы так нахмурились, глядя на меня, что на вашей физиономии не сморщились только зубы.

На этот раз она достала его. Всегдашняя невозмутимость дала трещину. Глафира отчетливо видела, как на его лице идет борьба между желанием вышвырнуть ее на улицу немедленно и нежеланием отступить от своих слов.

Он оказался человеком слова и на улицу ее не выкинул, но это решение далось ему с трудом.

– Вот что... Глаша, – надо же, даже имя запомнил! – Твои сексуальные предпочтения мне до лампочки. Я сказал, что доведу тебя до дома, – и сделаю это. Говори адрес и сиди тихо, как мышь за печкой. – Он помолчал немного и добавил: – Тебе же будет лучше.

– А зачем вам это надо? – пискнула Глаша.

Он ответил не сразу, и у Глафиры было время пожалеть

о своем любопытстве.

– Я всегда довожу дело до конца. – Он позволил Глаше обдумать сказанное, затем продолжил: – Иногда это занимает много времени, но в конце концов я всегда добиваюсь своего. Запомни это.

Его угроза словно зависла над Глашей хмурым облаком. Она по-настоящему испугалась и вжалась в спинку кожаного сиденья. Напрасно она пыталась разозлить его. Что-то подсказывало ей, что этот Святой – человек мстительный.

До самого конца пути она неподвижно сидела на заднем сиденье. Она даже дышать старалась бесшумно, только взглядывала изредка в зеркало заднего вида, больше всего боясь встретиться там с его глазами.

В салоне было почти темно, и Глаша явственно ощущала силу личности сидящего за рулем человека. Он действительно смахивал на святого своим суровым, даже аскетичным лицом. Но Глаша знала твердо одно – заработать на такую тачку и при этом сохранить даже отдаленное сходство со святым невозможно.

Глаша бы очень удивилась, если бы узнала, что Святой тоже думает о ней. Эта странная девушка с лицом осиротевшего ребенка, потерявшегося в жестоком мире, заинтриговала его. Наверняка она сболтнула про молодых любовников, чтобы досадить ему, отомстить за безразличие. Впрочем, какое ему дело? И, что бы она там ни болтала, в свои сорок он чувствует себя прекрасно. У него железный удар и цепкий

ум. Он прошел через ад и сумел снова оказаться наверху. Он умеет побеждать, и ему это нравится. А что касается этой нелепой девицы, то она будет занимать его мысли только до определенного времени. Совсем недолго. Скоро он ее высадит и забудет о ней как о досадном эпизоде.

Он лгал себе. Миниатюрная рыжеволосая женщина с полными чувственными губами и неожиданно большой грудью, легко угадывающейся под насквозь промокшей кофточкой свободного покроя, привлекла его внимание...

* * *

Собственная квартира в этот раз показалась Глафире самым безопасным, самым уютным уголком на всем белом свете. Захлопнув за собой входную дверь, она словно отгородилась от всех неприятностей, обрушившихся сегодня на ее голову. Глаша даже удивилась, обнаружив, что совсем не переживает. А ведь должна бы...

Она взглянула в зеркало в прихожей, но собственный затрапезный вид не расстроил ее. Все поправимо. Сейчас она примет ванну, вымоет волосы и обязательно поест. Глаша почувствовала, что ужасно проголодалась.

Испорченную куртку она бросила у входа в прихожую прямо на пол. Что-то звякнуло. Ключи! Ну, конечно. Это ключи ее мужа. Теперь, наверное, уже бывшего. Глаша поморщилась, как от зубной боли. Ну нет, она не позволит за-

тянуть себя обратно в мутную воду переживаний. Только не сегодня.

В подтверждение своей решимости Глаша, скинув на ходу туфли, прошлепала к телефонной розетке и выдернула ее из гнезда. Вот так. Теперь ее никто не потревожит.

Удовлетворенно вздохнув, она отправилась в ванную. Сняла с себя все и свалила кучей в углу. Завтра она соберет все это, включая куртку и туфли, и отнесет на помойку, чтобы ничто не напоминало о сегодняшнем отвратительном дне. Нет, пожалуй, куртку стоит оставить. Она совсем новая. Глаша не планировала покупать другую как минимум два сезона, да и денег сейчас лишних нет. Пообещав себе посмотреть завтра, что там можно сообразить с прожженным карманом, Глаша постаралась расслабиться и погрузилась в ароматную пену.

После ванны, распаренная, она отправилась на кухню. Желудок урчал от голода. На средней полке холодильника стояла сырая курица – Глаша заранее разморозила ее, чтобы запечь вечером в духовке. Ее муж не признавал ни колбасу, ни пельмени, ни, боже упаси, полуфабрикаты. Только свежеприготовленное мясо.

Глаша мрачно усмехнулась и отправила птицу обратно в морозильник. Сегодня она будет есть то, что хочется. Глаша обожала картошку с тушенкой и холодным молоком. И еще овощи, которые муж тоже терпеть не мог. Даже из супа вылавливал все до последней морковки.

Почистить картошку и поставить ее на огонь было делом нескольких минут. Глаша убавила огонь, когда картошка закипела, открыла банку тушеной говядины. Уже помытые помидоры и зеленый огурец, прижавшись друг к другу, лежали в глубокой эмалированной миске. Глаша удовлетворенно обзрела натюрморт, втянула носом вкусный запах и отправилась в комнату. Пока картошка варится, делать все равно нечего.

Квартира в старом сталинском доме, которая досталась Глаше от бабушки, была однокомнатной. Для двоих, пожалуй, тесновато, но для нее одной места вполне достаточно.

Глаша остановилась напротив большой фотографии в рамке, висящей на стене. С нее на Глашу, улыбаясь, смотрела знаменитая в прошлом актриса. Никто из гостей не догадывался о том, что женщина на этом увеличенном любительском фото – Глашина мать. Даже Славик не знал правды. Он часто посмеивался над женой, тем более что актриса эта давно уже умерла, а перед смертью несколько лет не снималась.

Глаза, которые Глаша так любила, улыбались ей. Мама смеялась, глядя в объектив, в тот день, когда Глаша впервые взяла в руки фотоаппарат и для пробы решила щелкнуть мать. Та, позировавшая в своей жизни сотням лучших фотографов страны, в этот раз не стала принимать жеманных поз, которые стали неотъемлемой частью ее образа, а просто улыбнулась дочери, чисто и светло, не заботясь о морщинках в уголках глаз и не думая о правильно поставленном свете.

Глаша считала, что на этом старом снимке ее мать – настоящая, такой ее никто не знал. Это была ее и только ее мама, неприкосновенная частица знаменитой женщины, которую она оставила в наследство своей дочери.

Жаль, что на этом наследство не исчерпывалось.

Глава 4

«Правильно бабка говорила, что объедаться на ночь вредно!» – подумала Глафира утром следующего дня.

Глаша лукавила. Она прекрасно знала, что пузо, набитое накануне вожделенной картошкой и тушеным мясом, не имеет никакого отношения к странному старику. Этот старик был ей хорошо знаком в том смысле, что посещал ее сны не впервые. Да что там, она и припомнить не могла, когда он появился в первый раз. Кажется, это было в глубоком детстве, еще до того, как Глаша пошла в первый класс.

Глаша могла бы поклясться, что в реальной жизни никогда старика не встречала. Правду сказать, забыть его было бы невозможно: огромный, с густой, абсолютно белой шевелюрой до плеч и окладистой бородой, судя по всему, никогда не знавшей ножниц и расчески. Одет он был всегда одинаково – в свободную серую рубаху из домотканой материи. Более всего он напоминал Глаше Григория Распутина, но какого черта царский юродивый стал бы забираться в ее сновидения? Кроме того, ее старик был седой, а Григорий Распутин до самой смерти оставался жгучим брюнетом.

Сны эти Глаша не любила, хотя в них не было ничего кошмарного. Старик просто сидел возле ее постели и смотрел на нее глубоко посаженными, похожими на угли, глазами. Иногда он начинал говорить и несколько раз даже давал дель-

ные советы относительно предстоящих в ее жизни событий. Глаша всегда удивлялась, что, проснувшись, помнит его слова. Обычные сны стирались из ее памяти подчистую. Советы старика выручали ее, но испытать к нему чувство благодарности ей мешал страх. Она боялась ночного гостя и, положив руку на сердце, предпочла бы выбираться из своих проблем самостоятельно, лишь бы не видеть по ночам это строгое благообразное лицо.

Старик был еще одной тайной Глаши, о которой она, как и о матери, никому не рассказывала. Сам старик запрещал ей говорить. Она понимала, что он – всего лишь сон, плод ее воображения, но послушаться почему-то не решалась.

Сегодняшний сон встревожил девушку больше других. От его слов: «Я уже близко, скоро мы встретимся!» Глаша проснулась в холодном поту, сердце бешено колотилось. Осознание того, что это только сон, в этот раз облегчения не принесло. В ее душе поселилась тревога. Это чувство было настолько сильным, что даже отодвинуло на задний план все неприятности, случившиеся с ней накануне. Она ощутила острую потребность куда-то бежать и что-то делать, но куда и что – оставалось для нее загадкой.

Залив свое беспокойство двумя кружками крепкого кофе и смыв под душем липкий пот ночного страха, она почувствовала себя лучше и сочла, что вполне в состоянии отправиться на работу.

– Меня муж бросил, – сообщила Глаша подругам.

– Славик? Счастье-то какое! – Динка даже не пыталась изобразить сочувствие.

– Неужто восстал наш туалетный коврик? – не поверила Валя.

– Коврик нашел себе новую хозяйку! – Глаша вздохнула.

– И слава богу. В смысле Славу – к богу.

– Скорее к богине.

– Да хоть куда! – Валя отмахнулась. – Зануда он у тебя редкий. Жить с таким сможет только ходячая логарифмическая линейка.

– Это ты про меня?

– Это я вообще.

Глаша не стала углубляться в эту животрепещущую тему.

Сейчас ее больше интересовал другой вопрос. Увидев, что Валя потянулась к пицце, она воскликнула:

– погоди!

– С какой стати? Ты что, Глаш, очумела? – Валя удивленно взглянула на подругу, но руку, зависшую над горячей пиццей, не убрала.

Глаша легонько шлепнула ее по пальцам.

– Эй, полегче!

Валя хмыкнула.

– Что за шум, а драки нет? – влетела запыхавшаяся Дина. Она, как всегда, опаздывала.

– Драка как раз сейчас будет, – мрачно пообещала Валя, – если вот эта вот не даст мне съесть мой законный кусок горячей пиццы.

– И не дам! – запальчиво воскликнула Глаша. – Пока не расскажет, что тут происходит, – пиццы ей не видать!

Говоря это, Глаша обернулась к Дине, а Валя только того и дожидалась. Она ловко подцепила ломтик пиццы и сунула ее в рот, сразу откусив чуть не половину. На ее лице появилось выражение блаженства.

– А что происходит-то? – не поняла Дина.

Валя пожалала плечами.

– На швободную площ-шадь въезжают новые айенда-тоы, – сообщила она с набитым ртом и для верности мотнула головой куда-то в сторону коридора.

Глаша успела заметить, что ее подруги как-то странно переглянулись.

– Девчонки, вы чего темните-то? Кто эти новые арендаторы? Что за тайны мадридского двора?

Валя вздохнула и громко проглотила недожеванный кусок. Дина сосредоточенно кусала нижнюю губу.

– Ну!

– Вот тебе и «ну», – передразнила Валя, потом шумно выдохнула, с сожалением посмотрела на свой надкушенный трофей и отложила его в сторону.

– Валь, скажи ты, – попросила жалобно Дина.

– Как что, так сразу Валя, – насупилась та.

– Это заговор, – констатировала Глафира обреченно.

Девчонки снова переглянулись.

– Ну вот что, – Глаша шлепнула ладонью по столу, – не хотите говорить – не надо. Я сама пойду и посмотрю!

Она решительно поднялась с места.

– Стой, – Динка помотала головой, – не ходи.

Глафира остановилась и выжидающе уставилась на нее.

– Пропал завтрак, – вздохнула Валя с сожалением.

Через десять минут Глаша уже знала, что на давно пустующий пяточок въезжает отдел женской одежды. И не просто одежды. Это была точная копия ее собственного отдела. Те же самые фирмы и модели, те же цены.

Но самым главным было даже не это. Человеком, скопировавшим ее собственную идею, оказалась... Муля. До этого она мирно торговала чаем, кофе. Ее прилавочек размещался как раз у входа в Глашин отдел. Девушка разом припомнила повышенный интерес Мули к тому, что и как она делает, ее бесконечные вопросы, от ответов на которые Глаша благо-разумно уклонялась. Она и раньше не испытывала восторга по поводу Мулиного любопытства, но даже предположить не могла, что у той хватит наглости скопировать все в точности, да еще и разместиться в непосредственной близости от нее, Глаши.

Замысел ее стал ясен. Глаша кропотливо прикармливала

клиентов, которые в большинстве своем не видели отличия между китайско-турецким ширпотребом и качественной европейской одеждой. Там кофточка – тут кофточка, так какая разница? У китайской и цвет поядовитее, и блесточек нашить поболе.

Глаша долго билась над тем, чтобы сломать стереотипы. Она предлагала клиенткам примерить скромные на вид трикотажные кофточки и сама до конца не понимала, в чем тут фокус. Даже самая затрапезная дамочка в этих вещах обретала черты благородства, стиль и элегантность. Цены Глафира держала умеренные, и те, кто хоть один раз купил у нее вещицу, возвращались к ней снова и снова.

К настоящему моменту у Глаши сложился довольно большой круг постоянных покупателей, которые приводили с собой родных, друзей и сослуживцев, всех тех, кто не мог не заметить благоприятных перемен в счастливой первооткрывательнице и страстно желали так же преобразиться.

...Муля ошивалась поблизости. Глаша подозревала, что не просто так. Муля страстно любила подслушивать.

Глаша коротко кивнула вместо приветствия. Она надеялась проскользнуть мимо, не вступая в беседу. Чтобы успокоиться, новость следовало переварить в одиночестве. В таких случаях Глафира обычно хваталась за сигареты, хотя баба Катя нещадно ругала ее за вредную привычку.

Муля не желала, чтобы жертва ускользнула просто так, ей требовалось насладиться произведенным эффектом.

– Привет! – сладким голосом пропела она и, как бы невзначай, загородила Глаше дорогу.

Внушительные габариты Мули прочно блокировали путь к отступлению. Глаша остановилась.

Кличка Мули имела весьма забавное происхождение. В магазине давно подметили сходство Мули с мопсом: то же круглое лицо с выпученными глазами, то же жирненькое, все в складках, круглое тельце. Не хватало лишь короткого хвоста бубликом.

В магазине Амалию Тряскову недолюбливали и боялись, так что это сходство неоднократно и охотно обсуждалось за ее спиной. Во время одного из таких разговоров кто-то вспомнил, что у известной писательницы Дарьи Донцовой на обложке имеются мопсы. Тут же была извлечена потрепанная книжка (в поклонницах Донцовой ходило полмагазина), и народ долго веселился, разглядывая пучеглазых уродцев. Сходство и впрямь было поразительное. Псов звали Муля и Ада, об этом тоже все знали. Амалия была похожа на обоих. «Муля и Ада»...

Сейчас уже и не вспомнить, кто добавил буковку «з» к буковке «и», только кличка «Муля из ада» приклеилась с тех пор к Трясковой прочно.

– Поздравляю, – выдавила Глаша, – кажется, в этот раз ты превзошла себя.

– Ты находишь? – Муля не уловила иронии. – Ну, спасибо. Ты ведь не сердись? – Вопрос был чисто риторическим.

– Какой смысл? – философски вздохнула девушка.

– Вот и умница. Бизнес есть бизнес, сама понимаешь. Конкуренция и все такое. Кроме того, у меня товар получше твоего, в том смысле, что я тебе не конкурент. Публика у меня будет элитная. Ну, ты знаешь мои связи! Жена мэра обещала зайти, дочка Боброва уже отоварилась тысяч на тридцать. Ты знаешь Боброва? Ну, тот, который владеет пивзаводом. Ладно, думаю, ты все поняла.

Глаша действительно все поняла правильно. Несмотря на свою наглость, Муля все же побаивалась, что Глаша попробует принять контрмеры. Ведь даже беззубая дворняга может укусить, если попытаться вырвать у нее из пасти последний кусок хлеба. Так что не зря она щегольнула громкими именами. Попробуй, мол, сунься, мокрого места от тебя не оставлю. Глаша знала, что Муля не блефует. То, что далеко не бедные люди с удовольствием покупают вещи прошлогодних коллекций, ничуть не противоречило истине. Ведь качество и дизайн оставались европейскими, а цены оказывались ниже, чем в фирменном бутике, в несколько раз. Глаша давно уяснила, что в России чем богаче человек, тем он экономнее, если не сказать – жаднее. Такой вот парадокс.

– Пойдем, я тебе все покажу, – Муля сладко улыбнулась Глаше, стоящей рядом с застывшим выражением лица. Муля светилась от счастья, ее выпуклые глазки блестели от возбуждения. Абсурдность ситуации ее абсолютно не трогала. Ей не терпелось похвастать своим новым приобретением.

О том, что оно ворованное, она даже не задумывалась. Кто успел, тот и съел – таков был ее девиз.

Словно колобок, Муля покатилась по коридору. Она то и дело оглядывалась и поторапливала Глашу. Та уныло плелась следом и кляла себя за то, что не может набраться смелости и послать нахалку куда подальше. Чужая нахрапистость сбивала ее с толку.

...Глаше сразу бросились в глаза фирменные прямоугольники знакомых лейблов. Ассортимент полностью совпадал с Глашиным, только был раза в три больше.

Глаша знала, что поставками в Россию занималась одна-единственная фирма, которая не давала рекламы, а клиентов брала только по рекомендации. Теперь Глашу мучили два вопроса: кто сдал поставщика и откуда у Мули такие бабки. Чайный отдел нахалки сверхдоходов не приносил, свободных средств она тоже не имела, а, судя по разнообразию и обилию товара, денег сюда вбухано немерено. Значит, спонсор. Но откуда?

Возле дальней стойки Глаша не сразу заметила невысокую стройную девушку с коротко стриженными русыми волосами. В ушах у нее болтались длинные, позвякивающие от малейшего движения серьги, а тело было упаковано в облегающий бирюзовый комбинезон. Несмотря на юный возраст, Карина, а это была именно она, во всем помогала матери. Раньше они по очереди стояли за чайным прилавком, теперь вот вместе осваивают новое направление.

Карина поздоровалась и поспешно ретировалась в одну из примерочных. Девушка была еще слишком молода, и откровенная подлость матери пока вызывала у нее смущение. Глаша понимающе улыбнулась.

– Ну как? Шикарно, да? – требовательно спросила Муля. Глаша кивнула.

– Ты не переживай, – продолжала щебетать та, – я, конечно, понимаю, что тебе долго не продержаться, и согласна тебе помочь. Ведь у тебя в отделе одно барахло, – Глаша вспомнила, что совсем недавно Муля покупала у нее это «барахло». Даже сейчас на ней были ее, Глашины, джинсы из коллекции прошлого месяца, – но я видела у тебя парочку приличных моделей и предлагаю поменяться: ты мне отдашь эти модели, а я тебе что-нибудь поскромнее. Ну, например, вот это!

Толстыми, как сосиски, пальцами она ухватила вешалку и извлекла на свет свитер мышинового цвета, выпущенный, как определила на глаз Глафира, не позднее шестидесятых годов прошлого века. Такие вещи иногда попадались в качестве нагрузки, Глаша это знала.

– Ничего, правда? – продолжала настаивать Муля, тыча свитером Глаше в лицо.

Девушка отодвинулась.

– В самый раз для твоей публики, не сомневайся. – Муля уже совала свитер Глаше в руки, совала щедро – вместе с вешалкой. Поскольку Глаша снова отодвинулась, Муля на

время отстала.

– Ты все-таки подумай насчет обмена. Будем творить вместе!

– На хрена мне такое творчество, – тихо, но решительно произнесла Глафира.

На секунду Муля опешила от неожиданной грубости, потом громко захохотала.

Внезапно смех оборвался.

Поспешно впихнув вязаного уродца обратно на стойку, Муля суетливо засеменила ко входу:

– Ой, здравствуйте, здравствуйте! Заходите! Посмотрите, какая чудная коллекция! Мы подберем вам самое лучшее!

Глаша медленно обернулась и нос к носу столкнулась с одной из своих самых выгодных клиенток. Женщина вспыхнула, а Глаша растерянно пролепетала:

– Здравствуйте.

Клиентка кивнула и отвела глаза.

В этот момент Глаша почувствовала, что способна убить человека.

Глава 5

В отделе Глаши было пусто. В журнале, где они фиксировали продажи, – ни одной записи. Глаша подняла глаза и посмотрела на Нелю, надеясь прочесть на ее лице хотя бы тень сочувствия, но натолкнулась на все тот же отстраненно-равнодушный взгляд. Хотя нет, в этот раз к обычному равнодушию примешивалось еще что-то. Глаша не желала признаваться себе, что увидела там нечто, похожее на злорадство.

«Этого не может быть, – подумала она убежденно. – Мы дружим десять лет, и за все эти годы я ни разу не сделала ей ничего плохого. За что ей меня ненавидеть? Наверное, она просто устала. Нужно будет поговорить об отпуске. Неля отдохнет, и все встанет на свои места. А может быть, она ничего не знает?»

– Ты слышала, что случилось? – спросила Глаша осторожно.

– Ты о новом отделе?

Глаша внимательно следила за выражением Нелиного лица и могла бы поклясться, что на нем не дрогнул ни один мускул.

– Да, – ответила она подавленно, – боюсь, что нас ждут трудные времена.

– Тебя, – поправила Неля. – Тебя ждут трудные времена. Я всего лишь получаю зарплату.

– И не маленькую, – не удержалась Глаша. – Я всегда старалась, чтобы у тебя было достаточно денег.

– Если бы ты этого не делала, – Неля пожалала плечами, – я бы у тебя не работала.

Глаша отшатнулась. Жестокость слов ранила ее в самое сердце.

– Ты считаешь, что Муля поступила правильно? – с трудом выдавила она.

– Я ей не судья.

– Я тоже. Но сегодня мне почему-то хотелось дать ей по морде.

– Не советую. Амалия из тех, кто может дать сдачи.

– Да, здорово она тебя окрутила! – покачала головой Глаша. – Не удивлюсь, если это ты назвала ей адрес поставщика!

– Я этого не делала. Муля нашла адрес в Интернете.

– И ты знала об этом? Знала и не сказала мне?!

– А что бы это изменило?

Глаша вся съежилась. Убитый вид ее выдавал, что внутри она медленно истекает кровью, но Нелю это не трогало.

– Мне жаль! – горько воскликнула Глаша. – Жаль, что так получилось! Ты как будто ослепла. Но насильно мил не будешь. Одно скажу: Муля использует людей в своих интересах. Так многие делают, но Муле мало просто пользоваться людьми, ей нужно раздавить их прежде, чем она их отпустит. Дружба с ней – это билет в один конец – на мусорную свалку.

Глаша замолчала. Она больше ни разу не взглянула на

Нелю. Медленно повернувшись, она пошла к выходу.

– Ты просто завидуешь! – крикнула Неля ей в спину.

* * *

Дина и Валя с нетерпением ожидали Глашиного возвращения. Тем временем народу за столом прибавилось. На стуле прочно угнездилась Наташка и трескала пиццу под неодобрительным Валиным взглядом.

Наташка любила поесть. Ее подкалывали по этому поводу все, кому не лень, но Наташкин аппетит от этого не уменьшался.

Наташка относилась к тому типу женщин, который среди сильной половины человечества именуется «ядренным». Она походила на слегка переспелую грушу «дюшес» – сочная и сладкая сверх меры. Невысокая, натуральная блондинка, она имела тугие... Впрочем, у нее все было тугое: щечки, попка, грудь и маленький выпуклый животик.

Торговала Наташка мужской одеждой и была продавцом от бога. Ее обожали не только клиенты-мужчины, что вполне понятно, но и их спутницы, что невозможно в принципе. А все потому, что Наташка никогда не спорила с клиентом. Даже если покупатель начинал уверять, что за углом продают точно такое же в два раза дешевле и в три раза более полосатое, Наташка не пыталась его разубедить и не спрашивала, какого черта тогда он приперся к ней, считая, что если

он здесь, значит, это зачем-то надо. Она никогда не ругала чужой товар, зато свой хвалила виртуозно. В результате примитивные рубашки отечественного пошива у нее сгребали пачками и при этом все были довольны.

– Кончай жрать! – рявкнула Валя, когда Наташкина рука потянулась за четвертым ломтиком пиццы.

– А чего? – Наташкины светлые бровки встали домиком.

– Того. Другим не хватит!

– Это кому это? Тебе, что ли? – Наташка хитро прищурилась.

– Не мне. Глаша вон еще не ела.

– Глаш, тебе оставить? – с готовностью откликнулась Наташка. Она нетерпеливо пошевелила над пиццей перепачканными кетчупом пальцами и вопросительно уставилась на Глафиру.

– Нет. Спасибо. Что-то мне не хочется.

– Умеет Муля аппетит испортить, – понимающе кивнула Наташа.

– Чего она от тебя хотела? – Дина выглядела встревоженной.

Глафира хмыкнула:

– Предлагала сотрудничество.

– Вот даже как!

– Ага. Я ей что получше, а она мне – неликвид. Это у нее называется обмен, – пояснила Глаша.

– Вот дура! – сказала Наташка с чувством. – Убила бы ее.

Она, зараза, моему хозяину настучала, что я у вас целыми днями торчу.

– Так это же брехня! – возмутилась Валя. – Ты ж только пожрать. А жрешь ты как саранча – много, но быстро.

– За саранчу отдельное спасибо, – Наташка воспользовалась случаем вернуть ей многозначительную улыбку, – а про брехню – правда. Только хозяин мой все равно устроил разбор полетов, даже уволить грозил...

Валя вдруг уставилась поверх плеча Наташки, взгляд ее приобрел выражение великомученицы. Глаша обернулась в ту сторону. Ничего необычного она не увидела.

Возле стойки с подростковыми брюками топтался довольно невзрачный субъект. Он перебирал вешалки, при этом на его лице читалось некоторое сомнение, словно он не был уверен в том, зачем ему это надо. Он часто взглядывал на Валу, но как-то воровато, будто исподтишка.

– Это что за фрукт? Уж не воришка ли? – негромко спросила Глаша.

– Этот? – Динка кивнула головой в его сторону. – Не, это не вор. Это Валино наказание.

Глаша, округлив глаза, вытаращилась на Валу. Та лишь досадливо махнула рукой и нехотя поднялась с места. Она подошла к клиенту и нависла над ним скалой, скрестив на груди руки.

На глаз в мужичке было не меньше метра семидесяти, но рядом со статной Валентиной он весь как-то съезжился.

– Ну? – спросила Валя. – Чем интересуемся?

– Брюки у вас симпатичные.

Голос у мужчины неожиданно оказался низким и приятным. Но Валя не дрогнула.

– Раз симпатичные, то покупайте, – припечатала она.

– Но я еще не решил, – испугался мужчина.

– А чего тут решать? Фасон модный, хлопок, карманы, фердипульки всякие!

– Простите, что?

– Ну, вот это! – Валя нетерпеливо подергала за хлястики, нашивки и ремешки, щедро украшавшие широкие штанины.

– Этот тип сюда каждый день ходит, – шепотом пояснила Дина. – Валька вся измучилась. Он ее теперь минут двадцать терзать будет.

– А брюки?

– Брюки – нет. Не купит. А завтра опять придет.

– Похоже, он так развлекается, – предположила Наташка. – Есть такие. И ведь не выгонишь. А может, ему Валька нравится?

– Ты только ей об этом не скажи – костей не соберешь. – Динка хихикнула. Глаша улыбнулась, а Наташка пожала плечами.

– А чего такого? Мужик, он и есть мужик. Две руки, две ноги, голова – все на месте... – она помедлила, – ну, надеюсь, что все... А то, что рост у него подкачал, так Вальке жениха разве что в баскетбольной команде искать, вон какая

вымахала!

Валька в этот момент прокручивала в голове приятные картины, как вот сейчас она возьмет эту гниду за шиворот и вышвырнет куда подальше. Эти «эротические» фантазии моментально отразились на ее лице, и Глаша поняла, что клиент здорово рискует.

– Ну ладно, пора мне.

Наташка встала, потянулась, закинув руки за голову, и пошла к выходу.

Дойдя до него, она ойкнула, оглянулась на Глашу и многозначительно протянула:

– Глаша-а-а! А тебя утром какой-то тип искал.

– Старый?

Глаша мгновенно вспомнила свой сон и подумала о старике.

– Нет, почему? – Наташа удивилась. – Не старый. Хотя и не мальчик. – Она задумчиво покусала нижнюю губу. – Средний, в общем.

– А чего хотел? – Глаша продолжала теряться в догадках.

– Понятия не имею. Я слышала, что он про тебя спрашивал, а чего хотел – это ты у Нели спроси. Она с ним разговаривала.

Неля не добавила ясности. Она сухо проинформировала, что Глашей интересовался мужчина. Внешность она не помнит, не разглядывала. Чего он хотел – не знает, не спрашивала.

Глафира почувствовала, что впадает в панику. Ей было чего бояться. Не только таинственный старик, пообещавший во сне, что вот-вот отыщет ее, но и вполне реальные недоброжелатели. Те вчерашние типы могли искать ее, несмотря на обещания, данные Святому. Да и сам Святой тоже «темная лошадка».

Вчера Глаша специально попросила его высадить ее возле чужого дома, забежала в подъезд и долго подглядывала в окно на лестничной клетке, дожидаясь, когда он уедет. Высунуться из подъезда она решилась лишь минут через десять после того, как красные габаритные огни его машины скрылись за поворотом.

Да, она приняла меры. Она старается быть осторожной и бдительной. Но кто, черт побери, приходил сюда и разыскивал ее?

Глава 6

Этот вечер и эту ночь Глаша провела беспокойно. Она закрыла дверь на все замки, задернула шторы, зажгла везде свет. И все равно вздрагивала от каждого шороха. Она то и дело выглядывала в окно и осматривала пустой двор. Второй день лил дождь, даже машины были редкими. Один раз ей показалось, что она узнала машину Святого, но джип проехал по двору, не останавливаясь, и она решила, что обозналась.

Время тянулось медленно, мрачные мысли лезли в голову, но спать она тоже боялась. Ей не хотелось вновь увидеть старика. Почему-то она была уверена, что старик обязательно появится. Мудрая Валька наверняка сказала бы, что у нее обычная депрессия и невроз, посоветовала бы хряпнуть чего покрепче и спокойно лечь спать, но Вальки рядом не было, а пить в одиночку глупо.

В конце концов уже под утро Глафира забылась тяжелым сном. Против ожидания, спала она без сновидений, но проснулась в таком состоянии, что реанимировать себя пришлось по частям.

Неожиданно Глаша безумно захотела арбуза. Не то чтобы она так уж сильно их любила, но в данный момент ничто, кроме арбуза, не лезло ей в голову. Она почти воочию видела сочную красно-сахарную мякоть с глянцеви́то-черны-

ми зернышками. Потрескивание разрезаемой корки грозило превратиться в устойчивую слуховую галлюцинацию.

На улице сияло солнце, а ближайший плодоовощной базарчик располагался буквально в двух шагах от ее дома. Глаша не смогла устоять. Расхаживая по рынку, Глаша наслаждалась. Она любила овощи. Ранняя осень – время овощного изобилия, и Глаше было трудно удержаться от соблазна. Она еще не добралась до арбузов, а в ее большом пакете уже теснились ярко-красные помидоры, темно-сиреневые баклажаны, сочно-желтый сладкий перец, парочка небольших кабачков и роскошный вилок цветной капусты.

Девушка остановилась у лотка с зеленью. Она придирчиво выбирала укроп, не замечая, что с нее не сводят глаз двое мужчин.

– Послушай, ты уверен, что нет другого способа проверить ее? – спросил один из них неуверенно.

– А что тебя смущает? – приподнял бровь второй.

– Смущает? Нет, ничего. Просто эта девица...

– Продолжай.

– Она и так затюканная с виду. Зачем ей неприятности?

– Не я ее выбрал, Свеча, ты же знаешь. У меня нет выхода.

– На тебя это не похоже. Уж ты-то всегда найдешь выход, мне ли не знать!

Второй кивнул, продолжая следить за девушкой. Она отошла довольно далеко и теперь остановилась у ящика с виноградом. Черноусый продавец совал ей пронизанную солнцем

гроздь, убеждая попробовать. Она с улыбкой отказывалась, но в конце концов отщипнула продолговатую ягоду, сунула в рот и надкусила.

– Так почему нужно было выбрать именно ее? – Настоящий голос вывел его из мрачной задумчивости. Почувствовав неожиданное раздражение, он передернул плечами и быстро пошел вперед.

Глаша аккуратно положила в пакет на самый верх тяжелую гроздь спелого винограда, поблагодарила говорливого продавца и, пройдя несколько шагов, остановилась возле огромной арбузной кучи. Возле весов толпилась небольшая очередь, а Глаша пыталась решить, дотащит она арбуз до дому или нет.

Тяжелый пакет уже оттягивал руку, а приличный арбуз потянет не меньше чем на пять килограммов. Трезво оценив свои возможности, она решила взять арбуз в следующий раз, сегодня у нее и так есть чем себя побаловать.

Она хотела развернуться, и вдруг почувствовала, что между лопатками противно закололо. Кто-то сверлил ее недобрым взглядом. Разворачиваться резко расхотелось. Но не могла же она остановиться на полпути, тем более что покупательница перед ней открыла кошелек, чтобы расплатиться за выбранный арбуз.

Глаша узнала его сразу, хотя при дневном свете он выглядел иначе. Узнала и испугалась.

Он почему-то оказался выше, чем ей запомнилось, и шире

в плечах. К тому же он был блондином. Лицо, покрытое темным загаром, жесткая линия квадратного подбородка, резко выделяющиеся скулы. Густые брови были настолько темнее выгоревших на солнце волос, что Глаша подумала, что он их красит – или брови, или волосы. Мысль была настолько неуместной, что Глафира покраснела.

Мужчина стоял неподвижно, расставив мощные ноги в узких джинсах. Джинсы были недешевые. Это Глаша отметила машинально, глаз у нее был наметанный. Скрестив на груди руки, он бесцеремонно ее разглядывал.

Глашу зазнобило. Ей потребовалась вся сила воли, чтобы скрыть охватившую ее панику. «Этот тип все-таки выследил меня! – подумала она обреченно. – Но зачем?»

Она сделала несколько мелких шажков вбок и вновь покосилась на него. Он продолжал буравить ее холодными серыми глазами. «Ковбой», – неприязненно подумала девушка, еще немного попятилась и вдруг больно ударилась обо что-то плечом. Она испуганно вскинула глаза и похолодела. Оказывается, ей некуда бежать. Впереди этот Ковбой Мальборо, позади гора арбузов, а слева – сплошной ряд павильончиков, между которыми протиснется разве что мышь.

Ужас Глаши перешел в панику, когда он шагнул прямо к ней. Что-то в его поведении напоминало хищника, преследующего жертву.

– Эй! – воскликнула она неожиданно севшим голосом. – Что вам надо?!

Несколько человек обернулись в их сторону, но мужчину это не смутило. Напротив, он ухмыльнулся. Он сделал еще шаг. После этого у Глаши остался один выход. Ловко, как обезьяна, прижимая к груди пакет с овощами, она вскарабкалась на гору арбузов. Вокруг начала собираться толпа. Глаша чувствовала себя посмешищем.

– Удобно? – преувеличенно вежливо спросил он. Глаша забралась не слишком высоко, и теперь они оказались на одном уровне. Торговцы арбузами лопотали что-то на своем языке и размахивали руками. Наверное, пытались прогнать ее.

– Чего привязался? – грубо крикнула она. – Зачем ты меня преследуешь?

Вместо ответа он спросил:

– Ты долго собираешься там торчать?

– Не твое дело! Может, мне здесь нравится! – ответила она запальчиво. В подтверждение своих намерений она демонстративно сунула руку в пакет, выудила несколько виноградин и сунула их в рот. До нее начало доходить, что среди бела дня, при таком стечении народа ничего он ей не сделает. Эта мысль ее воодушевила.

– Что, ковбой, съел? – прошамкала она с набитым ртом.

– Ковбой? – Уголки его рта изогнула улыбка. – Мое имя Павел Райский.

– Райский? Вот оно что, – пробормотала она, – а я все думала, почему Святой?

Неожиданно у нее в голове что-то щелкнуло. Она вдруг вспомнила, что это имя ей знакомо. Глаша судорожно вздохнула от неприятной догадки, подавилась виноградом и громко закашлялась.

– Эй, дэушка, слэзай! Ты мнэ всэ арбузы заплюешь! – завопил торговец.

– Вы поперхнулись виноградом? Или моим именем? – спросил Райский с напускной озабоченностью.

Глаша вызывающе вздернула подбородок. Рыжие волосы трепал ветер, и она была похожа на маленький факел, воткнутый в арбузную кучу.

– Да пошли вы все!

Глаза Райского сузились, и на мгновение Глаша решила, что зашла слишком далеко. Продавец арбузов куда-то убежал. Глаша подозревала, что за подмогой. Ей не хотелось и этой проблемы на свою голову, поэтому она стала потихоньку сползать вниз. Кроссовки скользили по гладким арбузным бокам, у нее была свободной только одна рука, и она несколько раз теряла равновесие. Спуск завершился благополучно. Райский поджидал ее в самом низу.

Оказавшись рядом, она почувствовала себя пигалицей. Даже Валя и Диана, к которым она уже привыкла, были ниже этого громилы. Тем не менее она не желала отступить.

– Слушай, Ковбой, Святой, как тебя там, уберись с дороги, а то вместо ковбойской шляпы я пристрою тебе на голову арбуз.

Его глаза посуровели.

«Убьет!» – подумала Глафира обреченно.

В его груди что-то зарокотало. Глаша не сразу поняла, что это такое.

Она вся съежилась, приготовившись к нападению, и вдруг услышала хохот. Райский ржал, согнувшись чуть не вдвое и хлопая себя по бедрам. Воспользовавшись моментом, бочком, словно краб, Глаша выбралась на свободное место и припустилась бежать.

Второй мужчина наблюдал всю эту сцену со стороны с явным неодобрением. Теперь он подошел к утирающему слезы смеха Райскому, встал рядом и засунул руки в карманы.

– Ну, и чего ты добился? – спросил он недовольно.

– Посмеялся вволю, – честно ответил Райский, – ты же знаешь, я редко смеюсь.

– Стоило ли ради этого привлекать к себе внимание? – поинтересовался тот, намекая на толпу зевак, которые только сейчас стали расползаться по своим делам.

– Не стоило. Ты прав. В следующий раз придется выбрать место поспокойнее.

– Это не поможет. Девушка явно малахольная. Не будет рядом кучи арбузов, она вскарабкается на фонарный столб.

Райский помолчал, усмешка его стала недоброй. Потом он снова хохотнул:

– Посмотрим!

Покупатели всегда клюют на новенькое. Это закон. Поэтому то, что в новом Мулином отделе толпился народ, Глашу не удивило. Она старалась не смотреть на столпотворение, когда проходила мимо, но краем глаза успела зацепить в гуще народа несколько знакомых лиц. Это были ее клиентки.

Внезапно Глаша все поняла. Она быстро дошла до своего отдела. В нем царили тишина и спокойствие. Неля пила чай с жасмином. Увидев Глашино выражение лица, она вздрогнула и отставила чашку в сторону.

– Я не заметила, как ты вошла, – пробормотала Неля.

Глаша молча смотрела на нее. Неле стало не по себе. Суетливым движением она пригладила курчавые волосы, потом нервно одернула кофту. Глаша молчала.

– Что ты молчишь? – Нелин голос сорвался.

– Зачем ты это сделала, Нель? – спросила Глаша тихо.

– Что именно? – Неля попыталась изобразить удивление.

– Ты знаешь.

– Не имею понятия. Ты опять придираешься! – огрызнулась она.

– Придираюсь? Это что-то новенькое. Я не придиралась к тебе никогда. Я думала, что мы подруги, поэтому и терпела твои выходки.

– Подруги? – Неля делано рассмеялась. – Не смеди. Ты

всегда была хозяйкой, а я – всего лишь работала на тебя.

– Думаешь, легко быть хозяйкой? Мне ничего не досталось даром. Все, что есть, я заработала. Все до копейки.

– А я что, мало работала? Или я хуже тебя? Чем, скажи мне!

Глаша помедлила в растерянности.

– Я не знаю. Когда ты пришла ко мне в первый раз, то у тебя за плечами была лишь работа на заводе, а в последние полгода ты...

– Ну, что же ты замолчала? Продолжай! Я мыла полы в поликлинике, и ты, такая благородная, подобрала меня чуть ли не на помойке.

– Но ведь я ни разу не напоминала тебе о твоём прошлом, не смотрела свысока, мы всегда были на равных...

– Мы никогда не были на равных! – выкрикнула Неля. – Моя зарплата, эти подачки твои паршивые только подчеркивали между нами разницу! Ты – белая кость, вся такая умная, воспитанная и добренькая. При деньгах, при квартире, муже и машине!

Глаша усмехнулась, вспомнив, что мужа и машины у нее больше нет. Неля расценила ее усмешку по-своему. Ее рыхлое, отечное лицо перекошилось, глаза заледенели.

– Смеешься? Ну, валяй! Скоро тебе будет не до смеха! – прошипела она.

– Это точно. Ты ведь постаралась для этого, правда? – Глафира неожиданно обрела спокойствие. Она поняла наконец,

что той славной Нели, которую она уважала и любила, больше нет. Перед ней совсем другая женщина.

– Что ты имеешь в виду? – В голосе Нели сквозили подозрительность с сильным оттенком страха, граничащего с истерикой.

– Ты передала Муле список телефонов наших клиентов!

– Неправда!

– Правда. Они толпятся сейчас в ее отделе. Хочешь, пойдем спросим их, как они туда попали?

– Никуда я не пойду.

– Пойдешь, – сказала Глаша с неожиданной твердостью. – Пойдешь на все четыре стороны!

– Ты выгоняешь меня? – похоже, Неля испытала искреннее удивление. – Ну и хорошо, я сама собиралась от тебя уйти – меня Амалия давно к себе звала!

– Вот и договорились. – Глаша кивнула. Она достала из сумки кошелек и маленький календарик, присела на краешек стола, придвинула к себе калькулятор и сказала, не глядя на Нелю:

– Собери свои вещи, а я пока посчитаю, сколько я тебе должна.

– Я должна уйти прямо сейчас? Ты не дашь мне доработать до конца дня?

– Ты уже достаточно поработала. Теперь я должна расхлебать это! – резко ответила Глаша.

Глафира всей кожей чувствовала, как вокруг нее сгуща-

ются тучи. Выходка Мули, предательство Нели, какие-то непонятные нападения и преследования. Главное, ей не к кому обратиться за помощью. Ее подруги, конечно, переживают и сочувствуют ей, но даже их совместных усилий не хватает на то, чтобы вытащить Глашу из той выгребной ямы, в которую она угодила.

Но сдаваться она не собиралась. Она просто не могла позволить себе такой роскоши. Если она не найдет способ исправить ситуацию, то ей элементарно не на что будет жить. Все деньги, что у нее оставались, она вложила в товар. Если не будет выручки, ей нечем станет платить за аренду, да и есть что-то надо и платить за квартиру. А впереди еще развод.

Глаша прижала пальцы к переносице и закрыла глаза, чтобы удержать подступившие к горлу слезы. Она слышала оживленный гомон, доносившийся из Мулиного отдела. Эти звуки лезли ей в уши, проникали в мозг, рождая ярость и ненависть, которых она никогда прежде не знала.

– Сидишь?

Глафира вскинула голову и кивнула. Валя с самым мрачным видом стояла, опершись плечом на стену и скрестив на груди руки.

– И долго сидеть собираешься? – поинтересовалась она.

– Не знаю. Пока что-нибудь не придумаю.

– Ситуация поганая. – Валя покачала головой. – Но небезнадежная.

– Небезнадежная, это когда остается надежда. У меня, похоже, ее не осталось.

– Не кисни! – прикрикнула Валя. – Думай! Ты же у нас умная. Зря, что ли, тебя в институте учили?

– Тебя тоже учили, вот ты и думай, – беззлобно огрызнулась Глаша. – А у меня от всех проблем голова, как воздушный шарик, – пустая и легкая.

– погоди. Проблем у тебя и правда завались, но какая главная?

– И не выберешь сразу. Бизнес сперли, продавца увели, клиентов переманили... Дальше продолжать?

– Не надо, – благоразумно решила Валя. – Мне кажется, главное – это клиенты. Продавец у тебя все равно был хреновый, бизнес сам по себе никуда не делся. Вон тряпки висят одна другой красивее. Значит, нужно переманить клиентов обратно.

– Но как?

– Поставь себя на их место. Вот представь себе, что ты – мать троих детей, у тебя поганая фигура, варикоз и десять рублей до зарплаты.

– Не приведи господи!

– Представила? – Валя нахмурилась.

– Ну, допустим.

– А теперь представь, как тебя можно убедить купить новую шмотку в данной ситуации.

– Никак, – пожала Глаша плечами.

– А ты подумай! – настаивала Валя.

Глаша нехотя задумалась. Что она может противопоставить гигантскому ассортименту Мули? Что? Вдруг ее осенило:

– Скидки! Народ скидки обожает, это я уже усвоила.

– Мысль не нова, но эффективна, – осторожно согласилась Валя.

– Это если скидки маленькие, а если – большие? Самое соблазнительное – урвать приглянувшуюся вещь по дешевке. Да еще не в конце сезона, а в начале! Это сработает!

– Сколько ты хочешь объявить?

– Процент тридцать.

– А прибыль?

– Прибыли почти не останется, но я хотя бы смогу выдержать деньги и вложить их во что-то новое.

Вале не слишком понравилось ее возбужденное состояние, но это было лучше апатии, в которой пребывала подруга.

Глаша слетала в соседний магазин канцтоваров, притащила ватман, кисти, краски и принялась увлеченно рисовать плакат, полностью отдавшись этому занятию.

Глава 7

Из-за объявления Глаша задержалась в магазине допоздна. Сегодня дежурила Наташка. Они попрощались у черного хода после того, как закрыли магазин. Было довольно холодно. Испорченную куртку пришлось не только чинить, но и стирать. Сейчас она сохла у Глаши дома в ванной. Легкая черная ветровка была плохой альтернативой.

Глаша поежилась, поудобнее пристроила ремешок сумки у себя на плече, сунула руки поглубже в карманы.

...Она ничего не успела понять. Кто-то сильно толкнул ее сзади, и Глаша впечаталась в дверь черной машины, мимо которой проходила.

Девушка сдавленно вскрикнула, больно ударившись подбородком, а кто-то уже рванул ее сумку.

– Что тут у нас? – услышала она хриплый голос. Ее грубо развернули и снова швырнули на машину. Глаша взвизгнула.

Их было четверо, и двоих она знала. Кажется, их звали Баклан и Чика. Боже, за что?!

Третий парень был моложе остальных, но не менее опасный. Высокий, тощий и злобный, с маленькой, сплюсненной с боков головой и короткой верхней губой, он был похож на щенка гиены. Из-под низко надвинутой черной вязаной шапочки жадно сверкали маленькие глазки.

Четвертый походил на огородное пугало. Очень большое

и очень грязное. Если бы у него из прорех торчала солома, Глаша не удивилась бы. На носу чучела сидели очки в простой оправе, которые выглядели особенно нелепо.

– Привет, красотка! – ухмыльнулся Баклан, помахивая ее собственной сумочкой. – Это мы возьмем себе. Не возражаешь?

– Подонки! Что вам надо?

– Живенькая! – гоготнуло чучело в очках.

– Обзывается! – фальцетом возмутился Чика.

– Потребуем с нее штраф за моральный ущерб? – Баклан дернул ее за куртку, на асфальт посыпались пуговицы. Глаша уворачивалась, но парень в шапочке ухватил ее за тонкий джемпер и с силой дернул на себя. Потеряв равновесие, Глаша рухнула ему на грудь и тут же отпрянула с криком.

– Эй, парни, что происходит? – неожиданно услышала она. Возле них притормозил довольно крупный мужчина. Он озабоченно посмотрел сначала на расхристанную Глашу, потом на сгрудившихся вокруг четверых парней.

– Помогите, – прошептала девушка умоляюще.

– Исчезни, – цыкнул на прохожего Баклан.

Мужчина нахмурил брови. Он не боялся, так как чувствовал свое физическое превосходство.

– Черта с два! Отпустите девушку!

Тот, что был похож на чучело, протянул к нему лапу, сгреб ремень вместе с брюками и без усилия притянул к себе. Мужчина опешил, а бандит приподнял его над асфаль-

том, словно тот был пустой картонной коробкой, и ласково попросил:

– Сгинь, гнида! Не видишь, беседем?

Глаша со стоном прикрыла глаза. Ее шансы на спасение рухнули.

Неожиданный заступник был упитанным мужичком, но тем не менее ей показалось, что он на ее глазах теряет в весе и съеживается, как проколотый шарик.

Чучело разжало пальцы. Глаша увидела, как ноги несостоявшегося спасителя подкосились. Падая, он впечатался подбородком в капот машины, но тут же вскочил и бросился бежать.

– Продолжим? – Баклан тряхнул дредами, ослабился и многообещающе взглянул на Глафиру. Та задрожала. Но, когда он протянул к ней руку, вскрикнула: «Отстань от меня, урод!» и замахнулась для пощечины.

Баклан опередил ее. От его удара голова ее мотнулась в сторону, из разбитой губы брызнула кровь.

Подскочило чучело, толкнуло девушку в спину тяжелой короткопалой лапой, и она больно врезалась в борт машины.

– Осторожно, кузов помнешь! – заорал Чика.

Девушка застонала и стала сползать вниз, ее подхватили, перекатали словно мешок и швырнули лицом на капот. Чьи-то пальцы попытались задрать ей юбку. Глаша завизжала, извиваясь всем телом.

Возле ее уха шевелились чьи-то губы. Ее обдало запахом

пива, и она почувствовала, как на нее навалилось сверху потное и вонючее тело.

– Веселитесь, ребята?

У Глаши шумело в ушах, и она уже не понимала, кому принадлежит этот голос. Угасающим сознанием она все же уловила, что окружившие ее бандиты напряглись. Придавивший ее сверху быстро слез, однако она по-прежнему лежала попой вверх поперек капота.

– Вали отсюда, плесень, – лениво предложило чучело.

– Валить придется вам, – последовал спокойный ответ.

– Святой, не вмешивайся, – подал голос Баклан. – Это не твои разборки.

– Сказано тебе – уматывай! – поддержал очкарик.

Глаша услышала щелчок и каким-то шестым чувством поняла, что это раскрылся нож. Ее уже никто не держал. Она, быстро извернувшись, перекатилась на спину и приподнялась, опираясь на локти.

Святой, а это действительно был он, возвышался среди подонков, как матерый волк среди щенков. Они обступили его со всех сторон и нагло скалили зубы. В руке молодого блестел нож. Чика демонстративно отхлебнул пива из бутылки, выплеснул остатки на землю и сжал в руке горлышко.

– Убери нож, сопляк, – проговорил Райский, даже не глядя в ту сторону.

– А то что?

– А то порежешься.

– А ты у нас юморист! – протянул молодой. Нож придавал ему уверенности.

Святой медленно завел правую руку назад, как будто хотел достать что-то из заднего кармана джинсов, и вдруг резко ударил левой. Кулак молнией врезался в скулу того, что стоял ближе, – грязного чучела. Голова его дернулась, очки треснули и отлетели в сторону. Неповоротливый бугай покачнулся, а Святой, крутнувшись на месте, ударил его ногой в горло. Глаза очкарика закатились, голова повисла. Словно в замедленной съемке, он тяжело опустился на колени и упал лицом на асфальт.

На капот вскочил Баклан, но прежде чем он успел напасть, Святой протянул руку, схватил Глашу и отшвырнул в сторону, на газон.

Сзади в него вцепилась чья-то рука. Не оглядываясь, Святой ударил каблуком по голени схватившего его человека и той же ногой подсек под колени приготовившегося к прыжку Баклана. Тот отлетел на стекло, но Святой сгреб его за отворот куртки и толкнул в первого нападавшего. Бесформенной кучей парни повалились под колеса машины.

В следующий миг на Святого бросился малолетка, размахивая ножом и подбадривая себя яростным криком. Дальше все напоминало балет. Святой резко пригнулся, распластавшись по асфальту, выбросил ногу в сторону и подставил орущему психу подножку. Тот споткнулся, полетел вперед, широко махая руками, и впечатался мордой в фонарный столб.

Неожиданно стало тихо.

Святой медленно огляделся, дернул шеей, словно поправляя воротник, шагнул к Глаше и протянул ей руку. Девушка смотрела на него снизу вверх с нескрываемым страхом. Бандиты валялись вокруг.

– Где вы научились так драться? – хрипло спросила Глаша.

– В тюрьме, – просто ответил он.

Глаша громко сглотнула.

– А с ними что?

– Жить будут.

Девушка бросила быстрый взгляд на бугая, похожего на чучело. К нему возвращалось сознание. Казалось, он пытается встать, только никак не поймет, где верх, где низ. Его ноги беспомощно елозили в разные стороны, стараясь нащупать опору. Малолетка у столба не подавал признаков жизни. Двое из куча-мала... Глаша прищурилась. Так и есть. На асфальте валялся только один. Второй исчез.

Святой проследил за ее взглядом.

– Удрал?

– Боюсь, что да. Могу поспорить, что он унес с собой мою сумку.

Святой цепко огляделся по сторонам и кивнул.

– Мне жаль, – сказал он без выражения.

Он помог Глаше подняться на ноги и ждал, пока она пыталась привести себя в порядок. Ее усилия на этот счет бы-

ли так же бесполезны, как попытки вычистить армейский туалет зубной щеткой. Порванную и перепачканную одежду можно было только выбросить. В таком виде ее не пустили бы ни в один вид транспорта, к тому же ключ от квартиры остался в похищенной сумочке.

– Вот черт, – пробормотала Глаша сквозь зубы, стараясь не смотреть на своего неожиданного спасителя.

– Куда вас отвезти? – спросил он.

– Понятия не имею, – огрызнулась она и тут же смутилась. По идее, она должна была испытывать к нему чувство благодарности. Ведь он уже дважды спасал ее. Но она благодарности не испытывала. И все же вежливость взяла верх. – Ключи уперли вместе с сумкой, – пояснила она помягче.

– Разве вас никто не ждет дома?

– На мужа намекаете?

– Почему? Родители. Может быть.

Вопрос отчего-то не понравился Глаше, и она не ответила.

– Пойдемте в машину, – вздохнул Святой, – на вашей одежде столько прорех, что вы простудитесь.

– Какая забота! – фыркнула Глаша.

– Здравый смысл. Хватит капризничать, у меня нет лишнего времени на уговоры.

– Ну и катитесь себе. Я сама о себе позабочусь!

– Без денег, без ключей, в изодранной одежде?

Глаша понятия не имела, что делать, но одно знала твердо: садиться в его машину она не хочет. Этот тип прикидывает-

ся добреньким, но сам-то он откуда здесь взялся? Не иначе, следил за ней. А зачем? Может, вообще все подстроено: и драка, и нападение, и кража!

Тем временем Святому надоело ждать, он протянул руку и схватил ее за локоть. Глаша дернулась в сторону.

И тут они услышали громкий крик, несущийся откуда-то сбоку. Крик напоминал вой пожарной сирены и рев раненого носорога одновременно.

Обе головы повернулись в ту сторону. Глаша охнула. Прямо по газону на них неслась женщина. Полы ее плаща развевались, в руке она крепко сжимала увесистую сумку, которой угрожающе размахивала.

Это была Валентина.

Она налетела на Райского как ураган, толкнула в грудь и собралась треснуть сумкой. Райский даже не пошатнулся, но смотрел на Валью с недоумением.

Ожидаемого удара не последовало. Валя вдруг хрюкнула, выронила сумку и отступила, оглядываясь на Глашу.

– Да что тут происходит, черт возьми? – воскликнула она охрипшим от крика голосом.

– Все в порядке, Валя!

– В порядке? Ты в зеркале себя видела?

– Ну да. На меня напали. Отобрали сумку и... все такое.

– Этот напал?

– Нет. Этот, как раз наоборот, спасал... – И, не удержавшись, добавила: – Хотя его никто об этом не просил.

Тут Валя наконец заметила троих бандитов, которые вяло шевелились неподалеку. В ее взгляде, обращенном на Райского, промелькнуло уважение.

– Валь, а ты как тут оказалась? Ты же ушла полчаса назад!

– Да очки в ремонт относила. Пришла получать, а они – «не готово». Пришлось шугнуть их и подождать, пока доделают.

– Не хочется прерывать вашу беседу, но, мне кажется, Глаша, нам пора ехать.

– Куда это? – встрепенулась Валя.

– Не знаю. – Глаша пожала плечами и объяснила ситуацию.

– Едем ко мне. Переночуешь, завтра утром заедем на твою квартиру, вызовем слесаря, замки поменяем.

Глаша заметила, что Райский даже не пытается скрыть разочарование. У него, как пить дать, имелись свои планы.

– Ну и куда вас теперь везти? – спросил он скучным голосом.

– Никуда, – отрезала Валя. – Вам, уважаемый, отдельное спасибо и, как говорится, медаль на грудь. Дальше мы как-нибудь сами. У нас свой транспорт имеется. Пошли, Глаш, я свою тачку за поворотом оставила.

Проводив их глазами, Райский пошел в другую сторону. На шпану он даже не взглянул. По лицу его было видно, что он о чем-то размышляет. И мысли его были мрачные.

Глава 8

Валентина жила в частном доме на окраине города. Место было исключительно живописное, почти под самыми окнами плескалась река. Имелся и огород, на котором произрастала всякая всячина. Ею кормилось все семейство, включающее саму Валу, ее мать и двоих сыновей-погодков. Старший уже заканчивал школу.

Валя была вдовой. Отец мальчишек утонул в реке по пьяному делу. Валя не любила об этом говорить, но и так нетрудно было догадаться, что особой печали по поводу его гибели в семье не испытывали. Никчемный был человек – драчун и пьяница. И жену бил, и детей, коли попадали под горячую руку.

Тянуть мальчишек было нелегко. Валуха мечтала пристроить их в институт, так как пацаны уродились башковитые, да и от армии их убереечь не мешало. Беда, что денег у нее не было. Как ни копила, как ни изворачивалась, а собрать нужную сумму не могла.

...Старенькая «копейка» досталась Вале от мужа – единственная ценная вещь, которую он не пропил, да и то по чистой случайности. Машинка барахлила, и желающих купить ее не нашлось. После смерти мужа Валя долго думала, что делать с развалиной. Водить она не умела, чинить – тем более. Поразмыслив, она решила, что колеса в доме пригодят-

ся если не ей, то мальчишкам. Нашелся и мастер, который за умеренную плату отладил старушку. Получив машину, Валя махнула рукой и отправилась на курсы вождения, да так втянулась, что сейчас рулила весьма лихо.

По пустым вечерним дорогам «копеечка» домчала подруг очень быстро. Мать уже спала на своей половине, мальчишек еще не было. Глаша обрадовалась. Ей не хотелось, чтобы ее видели в таком потрепанном виде Валины домашние.

Глашу переодели. Футболку пожертвовала Валя, а джинсы пришлось позаимствовать у старшего сына. Ужин Глаша вызвалась приготовить сама. Валька долго отнекивалась, но потом сдалась, притащила с огорода кабачок, несколько свежих помидоров, достала из холодильника сметану, а сама принялась чистить картошку.

Это блюдо любили все Валины домочадцы. Осенью Глаша готовила его часто и таскала девчонкам на работу в итальянском пластиковом контейнере. Получалось сытно и вкусно.

– Ну, и откуда у тебя такие связи? – неожиданно Валя огорошила Глашу вопросом.

Та уронила очищенный кабачок.

– Какие связи?

– Не темни. Я Райского своими глазами видела!

– И что? Я его знать не знаю.

Глаша принялась резать кабачок на кружочки.

– Ну, это ты загнула! – Валя булькнула очередную очищенную картофелину в кастрюлю с водой. – Не знать ты его

никак не можешь.

– Да что я тебе врать буду? – Глаша зашипела точь-в-точь как кусок сливочного масла, который она бросила на раскаленную сковороду.

– Врать ты, положим, не умеешь, – кивнула Валя, – но телевизор, надеюсь, смотришь и газеты читаешь.

– И что? Там везде про этого типа понаписано?

– Ну да!

– Брось. Он мне сам сказал, что в тюрьме сидел. Наверное, уголовник какой-то, а ты его с кем-то путаешь.

Глаша, обваляв в муке кусочки кабачка, раскладывала их на большой сковороде. Стрельнуло масло, и раскаленная капля попала ей на руку. Девушка ойкнула.

– То, что он в тюрьме сидел, и так всем известно, – продолжала Валя как ни в чем не бывало. Она поставила кастрюлю с картошкой на огонь и принялась резать помидоры в большую керамическую миску. – Удивляюсь, как ты могла пропустить такую историю!

– Ну, пропустила. – Глаша развела руками. – Если тебе что-то известно – рассказывай. Хотя я не уверена, что меня интересует уголовное прошлое этого типа.

Валя бросила в сторону подруги внимательный взгляд и хмыкнула:

– Все же послушай. Этот, как ты выражаешься, уголовник в конце девяностых числился в двадцатке самых богатых людей.

Глаша чуть не выронила деревянную лопатку, которой переворачивала кабачки.

– И чем же он занимался?

– Да всем! Точно не помню, но, кажется, у него даже банк был. А основной его бизнес – офисные товары.

– Ты хочешь сказать, что он разбогател на карандашах и ластиках?

– И на них в том числе, – кивнула Валя. – А потом его посадили.

– За что?

– А фиг его знает. Какие-то финансовые махинации.

– Ты, часом, его с Ходорковским не путаешь?

– Да нет! У Райского своя песня, хотя мотив, сдается мне, тот же: печальная биологическая закономерность – среда любит середнячков.

– Это ты в каком смысле? – Глаша замерла со сковородкой в руке.

– Денег слишком много заработал, вот в каком. А у нас ведь как? Не хочешь неприятностей – не высовывайся.

– Спорный вопрос, – пробормотала Глафира. Она вытряхнула румяные поджаренные с двух сторон кабачки в глубокую миску, поставила сковороду обратно на огонь, вывалила туда помидоры и накрыла крышкой.

– Сейчас, я понимаю, Райского уже выпустили, – проговорила Глафира задумчиво. – Интересно, чем он занимается?

– Да все тем же. Когда он вышел, от его империи ничего

не осталось. Деньги отняли, штат разбежался. Осталось всего несколько человек во главе с его бывшим замом, точнее – замшей. Она все это время пыталась спасти жалкие остатки его бизнеса, вела переговоры с кредиторами, пыталась удерживать хоть каких-то клиентов, воевала с конкурентами, которые бодро навалились со всех сторон.

– Сильная женщина, – невольно вырвалось у Глаши. – Райский, наверное, был ей очень благодарен.

– А как же! Так благодарен, что женился на ней, – хмыкнула Валя.

В этот момент Глаша как раз заливала сметаной помидоры на сковороде.

От услышанного рука ее дрогнула, и сметана плеснулась на плиту.

– Эй, осторожно! – Валя отобрала у Глаши упаковку и отодвинула подругу в сторону. – Уже можно выключать? – спросила она, с удовольствием принимаясь.

– Да, выключай, – рассеянно кивнула Глаша, – осталось добавить в соус чеснок и залить им кабачки.

Валя проделала все это и снова принялась:

– Божественно! Обожаю это блюдо! Эй, Глаш, отомри! – обернулась она к подруге. – Есть пора. Или известие о том, что Райский женат, отбило у тебя аппетит?

– Что? Нет, конечно. Какое мне до него дело?

– Не скажи... Романтика же сплошная! Пришел, спас, вырвал, можно сказать, из лап... Да, жена сюда явно не вписы-

вается. Если бы не жена, получился бы любовный роман, да и только.

– Терпеть не могу любовных романов! – вспыхнула Глаша. – И вообще не болтай глупости.

Глаша подвинула к кухонному столу табуретку и принялась сосредоточенно раскладывать по тарелкам горячую картошку и кабачки.

Некоторое время обе молча жевали. Потом Валя опять не выдержала:

– Все равно не пойму, с чего вдруг этот тип полез тебя спасать?

Глаша перестала жевать и подняла глаза:

– Я тоже об этом думаю. На самом деле вокруг меня творится что-то странное. Райского я за три дня встречала трижды...

– Это каждый день, что ли?

– Да. Причем дважды он спасал меня от хулиганов, а один раз я удирала уже от него самого, – про арбузную кучу Глаша благоразумно промолчала.

– Многовато для простого совпадения, – согласилась Валя. – Абсурд, но получается, что он за тобой следит?

– Получается. А почему абсурд?

– Да на хрена ты ему сдалась? Ой, прости, пожалуйста!

Глаша криво усмехнулась.

– Не извиняйся. Ты права. Я слишком низко летаю, чтобы такой орел, как он, меня хотя бы просто заметил, не говоря

уже о слезке.

– Вот и я о том же. Из того, что я прочла о нем, легко уяснить, что сейчас дела у него идут неплохо. Хватка у мужика осталась, и голова варит – дай бог каждому. Ты в сферу его интересов никак не вписываешься: не клиент, не партнер, не конкурент. Остается любовь с первого взгляда!

Они переглянулись и громко расхохотались.

– Это ты хватила! – покачала головой Глаша. – Я не топ-модель...

Валя скептически осмотрела ее с ног до головы и протянула:

– Положим, для топ-модели ты ростом не вышла. Насчет красоты ничего не скажу – девка ты симпатичная, но чтоб с первого взгляда и наповал, это вряд ли. – Валя немного помедлила, размышляя. – И все-таки, видимо, есть в тебе что-то такое, что может заставить мужчину броситься на огнедышащего дракона, имея на руках лишь портативный огнетушитель.

– Ага. То-то меня муж бросил.

– А кто сказал, что он мужчина?

* * *

Искать слесаря на следующий день подругам не пришлось. Явившийся под утро Гаврила – старший сын Вали – изъявил желание помочь делу своими руками. Им остава-

лось лишь заехать по дороге в магазин и купить новый замок.

Парень не соврал. И дверь вскрыл, и замок вставил, все как положено. Пока Гаврила ковырялся с замком, а Валя давала ему бесполезные инструкции, Глаша обошла квартиру в поисках чужого проникновения.

На первый взгляд все было на своих местах. И на второй, и на третий тоже. Глаша вздохнула с облегчением и отправилась на кухню, чтобы приготовить чай-кофе для всей компании.

Тут-то и поджидал ее сюрприз в виде двух чайных чашек, мирно стоявших в сушилке над раковиной. Чашки стояли на своем месте, но они были... мокрые. То есть не то чтобы совсем мокрые, так, несколько капель внутри, но Глафира точно знала, что этого быть не могло ни при каких обстоятельствах – сама она не пользовалась этими чашками дня три, предпочитая большую кружку в красных горошинах.

– Все, хозяйка, принимай работу! – весело возвестила Валя, врываясь в кухню.

Гаврила топтался позади матери и смущенно улыбался.

– Спасибо! – Глаша попыталась изобразить улыбку. Валя оценила ее потуги по достоинству и помрачнела.

– Эй, мать, ты чего такая кислая?

– Да я, Валь, даже не знаю, – замялась Глаша. – Чертовщина какая-то...

– Не тяни резину. Пропало что?

– Чашки мокрые, – выдохнула девушка.

– Чего?

– Чашки мокрые!

– И чего?

– Ну, мокрые они, понимаешь? А должны быть сухие.

– Бред какой. Ты уверена?

В голосе Вали сквозило сомнение. Гаврила хмурился, не понимая, в чем проблема. Ничего же не украли. А мокрая посуда или нет – какая, на фиг, разница?

Глаша так не считала.

– Понимаешь, – попыталась она объяснить, – я этими чашками давно не пользуюсь. Они вроде как полупарадные, стоят для гостей. Ну, вот для вас, например. Я как раз их достать собиралась, чтобы чай разлить, а так, может, еще бог знает сколько времени к ним бы не притрагивалась. Раз они мокрые – значит, их кто-то мыл. Но кто, если не я? Воры, что ли? Залезли, ничего не взяли, попили чаю и помыли за собой посуду? У меня паранойя, да? – Она растерянно взглянула на подругу.

– Да нет, на паранойю не похоже. Но и смысла во всем этом нет. Ты бы проверила еще раз. Деньги там, документы.

– Да проверяла я.

– Еще раз проверь.

Глаша шумно выдохнула и послушно поплелась в комнату.

– Ну вот, смотри сама, – она выдвинула ящик в серванте, – все мои сбережения. Три тысячи рублей и сто баксов. –

Она помахала в воздухе бумажками, прежде чем убраться обратно в шкатулку. Потом протянула руку в глубь ящика. – Ой!

Валя увидела, как Глаша побледнела.

– Что?

– Паспорта нету.

– Ты ж говорила, что проверила!

– Это я про деньги и украшения. А про документы я забыла. Они вот здесь лежали, у стеночки.

– Теть Глаш, а это не ваш паспорт? – пробасил Гаврила.

– Где?! – воскликнули подруги одновременно.

– Да вон там, на телевизоре.

Глаша подскочила к телевизору и схватила в руки бордовую книжечку. Пролистала. Брови у нее поползли вверх от удивления.

– Это действительно мой паспорт, – пробормотала она. –

Но что он тут делает?

– Сама положила и забыла, – пожала плечами Валя.

– Нет, я его туда не клала! – Глаша упрямо нахмурилась.

Она плюхнулась на диван и уронила руки на колени.

– Что происходит, а, Валь? – спросила она жалобно.

На Валином лице отразилась целая гамма чувств: от смущения до сочувствия. Неожиданно ее лицо просветлело.

– Слушай, ну и дуры же мы с тобой! – Она рассмеялась с явным облегчением. – Чашки, паспорт! Да это же твой Славик шуровал! Пробрался, когда тебя нет, взял, что надо, ве-

щи переставил. Ну, и чаю попил. Или там кофе.

– Из двух чашек?

Валя крякнула. Глаша явно не разделяла ее веселья, и это Валю огорчало. Глафира подняла на подругу измученные глаза и проговорила:

– Это не может быть Славик. Совершенно точно. Позавчера я забрала у него ключи.

Глава 9

Идея со скидками сработала. Два дня Глаша едва успевала отпускать товар. Клиентки понимали, что за эксклюзивные шмотки просят бросовую цену, и легко входили в раж. Вместо одной блузки покупали три, а к ним еще юбку и вон тот симпатичный кардиганчик в полосочку.

На третий день наступило отрезвление. Придя утром на работу, Глафира по привычке принялась наводить на стойках порядок, пользуясь тем, что с утра клиентов почти не было. После вечернего ажиотажа она зачастую не успевала развесить все по местам, вот и делала это утром.

То, что на дорогой блузке появилась здоровенная дыра, она поняла не сразу. В такое просто не верилось. Глаша вытащила вещь, осмотрела ее со всех сторон, и сердце ее упало: на груди, на самом видном месте, тонкий шифон был продран, порванные нитки махрились во все стороны, как отвратительный паук.

Холодея, Глаша принялась осматривать остальную одежду, и не зря. На жакете из натурального шелка на рукаве обнаружился кусок шоколада, прилепленный намертво. Шоколад предварительно разжевали, и жир крепко въелся в ткань.

Глаша чуть не заплакала. Она только что лишилась двух лучших образцов коллекции и потеряла кучу денег. На смену отчаянию быстро пришла злость. Она ни минуты не со-

мневалась, чьих рук это дело. Муля, словно невзначай, дефилировала в коридоре, дожидаясь Глашиной реакции.

Первой мыслью Глаши было немедленно отмутузить вредительницу. Она с трудом сдержалась и попыталась успокоиться. Муля, конечно, скотина, но скотина умная, в этом Глаша убеждалась уже не раз. Наверняка она все предусмотрела заранее и свое черное дело вершила без свидетелей. Это было нетрудно: в старом магазине все отделы были открытыми. Днем за порядком следил продавец, утром все продавцы собирались перед входом в магазин и входили все вместе, точно так же поступали и вечером.

Стоп. Но когда же Муля успела? Глаша чувствовала себя неуверенно, понимая, что в любой момент может сорваться на крик или заплакать. Пытаясь собраться с силами, она уставилась в стену, машинально комкая в руках испорченные вещи. Она испытывала в этот момент столько эмоций, что разобраться в них ей было не под силу. Уставший мозг отказывался служить. Муле мало было украсть у нее идею и клиентов, она не успокоится, пока не разорит ее и не выживет отсюда. Глаша по-настоящему испугалась.

Из коридора донесся ехидный смех. Глаша дернулась, словно от удара, и резко повернула голову. Муля что-то оживленно говорила Оксане и Галке – двум продавщицам. По тому, как те искоса поглядывали в сторону Глаши, та поняла, что речь идет о ней.

Не обращая внимания на сердцебиение и на неуправляемое

желание убежать подальше, Глафира тряхнула волосами и направилась напрямиком к теплой компании.

На секунду Муля испугалась, но она была третьим калачом и сумела быстро взять себя в руки.

– Чего уставилась? – нервно хохотнув, спросила она.

Глаша не ответила. Она видела, что девчонки, сгрудившиеся около Мули, мечтают испариться с места назревающего скандала, но боятся. Боятся Мулю.

Глаша была сосредоточена на предстоящей схватке, но все равно успела удивиться тому страху, который внушала Муля окружающим.

– Эй, ты куда прешь? – Перед лицом надвигающейся опасности Муля перешла на привычный ей базарный тон. Ее жирные складки и многочисленные подбородки напряженно подрагивали.

– Что тебе от меня надо? – тихо спросила Глаша, приблизившись вплотную и пристально глядя в вытаращенные глаза.

Она поймала себя на мысли, что в последние дни произносит эту фразу слишком часто. Окружающие словно сговорились ополчиться на нее, хотя она никак не могла сообразить, чем вызвана такая злоба.

– Что мне от тебя надо? – переспросила Муля, презрительно сощурившись. – Да что с тебя взять-то?

– Взять как раз есть что. И ты взяла немало. Тебе мало было украсть мое дело, толкнуть продавца на предательство,

переманить клиентов, так ты еще диверсии будешь устраивать? У тебя совесть есть?

Вопрос был риторическим. Совести у Мули не было в принципе. Это был сгусток стопроцентной наглости, и с таким Глаша сталкивалась впервые.

Очевидно, присутствие нежелательных в данном случае свидетелей подхлестнуло Мулю. Прямой вопрос задел ее за живое. Ее серые глаза превратились в ледяшки чистой ненависти, а с ее исказившегося толстого лица полностью сошли все краски. Ее рот раскрылся, и она заорала:

– Не строй из себя святую, истеричка! Предательство! Воровство! Да кто ты такая?

– Я нормальный человек.

– Ты? Ой, насмешила! Да я все про тебя знаю!

– Что ты можешь знать? Впрочем, неважно, стыдиться мне нечего.

– Ошибаешься, милочка, – Мулины глаза сузились. – Сто-реть тебе со стыда и то мало. Ты – дочь шлюхи и сама такая же!

– О чем ты...

– О твоей мамочке! Что, съела? Думаешь, не знаю, чья ты дочь? Думаешь, ты хорошо спряталась? Тьфу. Да на твоей мамаше пробы ставить негде. Перетрахалась со всей страной и тебя небось приобщила!

– Прекрати! – хрипло выкрикнула Глаша, затравленно озираясь. Повсюду она натыкалась на лица любопытных про-

давщиц, слышавших шум скандала.

– Не нравится?! Ясное дело! Строит из себя святую Магдалину, а сама-то! Во сколько лет мамочка тебя впервые положила под мужика? В начальной школе или раньше?

– Это ложь! – Глаша повернула голову медленным болезненным движением. Вид ее молил о жалости, но Мулю это только подхлестнуло.

– Это правда! Все знают, что у вас с матерью были на двоих одни любовники. Она ведь в старости молоденьких любила, а кто ж на старуху бы польстился, вот тебя на десерт и предлагали. Неля говорила...

– Неля? – Глаша отшатнулась, словно от удара.

Муля осеклась, сообразив, что сболтнула лишнее.

– Я не это имела в виду! Неля ни при чем. Я сама все узнала.

Бросив на Глашу быстрый взгляд, Муля звериным чутьем поняла, что что-то изменилось. Лицо Глаши заледенело и стало бледным и жестким, как снежный наст, только глаза горели ненавистью. Это была не короткая вспышка, не истеричный припадок, а ровный огонь. Муле показалось, что языки пламени лизнули ей лицо, и она отшатнулась.

– Плевать на Нелю, – изменившимся глухим голосом проговорила Глаша в полной тишине. – А тебя я уничтожу. Не за себя, за мать.

Она сказала это спокойно, и оттого ее слова прозвучали особенно правдиво.

Лицо Мули искажил гнев, но вместе с тем на нем ясно проступил страх. Оно густо покраснело, затем приобрело какой-то необычный желчно-багровый оттенок. Задышавшись, брызгая слюной, Муля выплюнула несколько невнятных звуков. Потом, набрав в легкие побольше воздуха и раздувшись, как воздушный шар, она принялась швыряться оскорблениями, словно камнями из-за забора.

Гнев Мули произвел на Глафиру удивительно успокаивающее действие. Ее голова будто остыла. Где-то в глубине продолжала побулькивать горячая лава, но извержение вулкана прекратилось.

* * *

После пережитого стресса появление Райского возле дверей магазина в конце рабочего дня, можно сказать, не произвело на Глашу никакого впечатления. Она вяло отреагировала на его приветствие и преспокойно собралась идти по своим делам. Ее поведение Павла обескуражило.

– Вы даже не станете спрашивать меня, откуда я взялся? – спросил он с плохо скрытым удивлением.

То, что Глаша узнала о нем от Вали, заставило ее быть вежливой.

– А зачем? Надо будет – сами скажете, – пожала она плечами.

Глаша, по-прежнему не глядя на него, поежилась – наде-

тый под куртку свитер не спасал от влажного холода. Она глубоко вдохнула. В воздухе пахло прелыми листьями и дождем.

– Глаша? – окликнул он.

У нее были необычайно чистые зеленые глаза, которые уставились на него с подозрением. Золотистые волосы развевались. Ему показалось, что она плакала. На минуту он пожалел о том, что должен был сделать, но быстро отогнал от себя непрошеную слабость.

– Могу я угостить вас кофе? – спросил он.

В зеленых глазах промелькнуло любопытство.

– Нет, – ответила она вызывающе.

Он нахмурился.

– Зато вы можете угостить меня обедом.

Ошарашенный, Райский криво улыбнулся. Девчонка явно бросала ему вызов. За последние несколько дней она здорово изменилась. Это его настораживало.

Он посмотрел прямо в ее зеленые глаза. Она не выдержала, опустила голову, занавесившись рыжими волосами.

– Интересно, рыжие все такие наглые? – спросил он с усмешкой.

– Не все, – донеслось из копны волос. – И я не рыжая.

В самом деле, ее волосы имели не огненно-рыжий, а скорее золотисто-каштановый оттенок, но он не стал говорить ей об этом.

– Ваше предложение принято. Я накормлю вас обедом, но

в ресторан мы не пойдём.

От удивления Глаша перестала прятаться. Вообще-то она пошутила. Или, точнее, специально хотела обескуражить его, чтобы он отвязался.

– Если уж на то пошло, это я должна пригласить вас, – проговорила она, – ведь вы дважды отбили меня у хулиганов. Но я вас не приглашаю. Денег лишних нет. Вы небось привыкли к самому лучшему.

– Вот и отлично. Выберем среднее: я приглашаю вас в гости.

– Еще чего! – Она инстинктивно отпрянула, как дикое животное, напуганное неосторожным движением.

– В чем дело? Куда подевалась ваша смелость? Минуту назад мне показалось, что вы вполне современная девушка! – Райский явно наслаждался тем, что ему удалось достать ее.

– Я не современная. Я старомодная, скучная и пугливая, – отчеканила Глаша. – И вообще я давно уже не девушка.

Она увидела, как его брови недоуменно поползли вверх.

– Тьфу ты! Я в том смысле, что мне уже много лет.

– Вот и отлично. Раз вы такая взрослая и независимая, то вполне можете один раз отобедать в моей компании. Да не хмурьтесь вы, никто вас не съест. В доме полно народу, а моя повариха, Наталья Алексеевна, отлично готовит.

Глаша нахмурилась, размышляя. Вовсе ни к чему превращаться в злюку, даже если оснований у нее для этого предостаточно. Если бы Райский хотел причинить ей вред, то мог

бы сделать это в первую встречу, когда она сидела у него в машине – напуганная и беззащитная. Да что там, ему достаточно было не вмешиваться несколько дней назад, те отморожки сделали бы за него всю грязную работу, и ее изуродованный труп валялся бы сейчас в морге на опознании.

Глашу зазнобило. Порыв ветра толкнул ее в спину. Она сунула руки в карманы куртки, чтобы хоть немного согреться.

Райский заметил, как она вся съежилась. Не дожидаясь ее ответа, он мягко, но решительно взял ее за локоть и подтолкнул в нужном направлении.

– Моя машина вон там. Видите? Всего несколько шагов, и вы в тепле.

Глаша залезла в машину, дрожа от холода. Райский сразу же включил печку, чтобы она могла согреться. Машина завелась, Райский посидел, ожидая, когда ветровое стекло очистится от дождевых капель и налипших желтых листьев. Глаша все еще слегка дрожала, но не от холода. Она пыталась сдержать страх, который вдруг подступил с новой силой.

Райский не делал ничего угрожающего, но ей все равно было тревожно. Листья, гонимые ветром, падали на лобовое стекло автомобиля, сгущая тьму в салоне.

Неожиданно Глаше стало стыдно. Она вспомнила, Валя говорила, что Райский женат. Ну конечно! При жене он ей ничего плохого не сделает, а она наконец узнает, почему он преследует ее.

Но ждать до дома не пришлось. Райский вдруг остановил машину, припарковал ее у обочины возле небольшого сквера, заглушил мотор и повернулся к ней всем корпусом. Он посмотрел Глаше прямо в глаза, и она без труда разглядела в его зрачках сердитый блеск.

– Вот что, будет лучше, если я объясню вам все здесь, не то еще получите несварение желудка.

Глаша насторожилась, но он не очень-то торопился с объяснениями.

– Итак? – произнесла она нетерпеливо.

– Итак, я знаю, что у вас сейчас непростая ситуация с вашим бизнесом...

– Что-то вы слишком много обо мне знаете, – пробормотала девушка себе под нос.

– А я интересовался, – не стал он отпираться. – Вы девушка шустрая и неглупая, но, если не произойдет чуда, вы свой бизнес потеряете.

– Вас это радует? – полюбопытствовала она.

– Меня это не интересует, – ответил он жестко.

– Какого черта?!

– Выслушайте до конца. – Он повысил голос.

Глаша передернула плечами, уставившись широко открытыми глазами в лобовое стекло.

– Ваш бизнес погибнет, и погибнет довольно скоро. Вы, конечно, сможете устроиться на работу, у вас хорошее образование, но больше десяти-двенадцати тысяч вам не предло-

жат. Женский труд у нас низко оплачивается.

– На эти деньги тоже можно жить.

– А вы пробовали? – он взглянул на нее с любопытством.

– Вы-то уж точно не пробовали.

– Ошибаетесь. Но не в этом суть. Я предлагаю вам помощь.

– Какого рода?

– Я готов вложить деньги в ваше дело. Более того, я подыщу вам отдельное помещение и помогу с рекламой.

Глаша смотрела на него во все глаза, потом тряхнула головой и недоверчиво рассмеялась:

– Вы что, мой незаконнорожденный папа?

– С чего вы взяли? Нет, конечно! Папы не бывают незаконнорожденными.

– Плохо.

– Почему?

– Потому что в таком случае вы – сумасшедший.

– А почему ты хамишь?

– А что мне, руки вам целовать, что ли? Сидите тут, несете всякий бред. Спасителя из себя изображаете. И чего вы навязались на мою голову?

– Значит, помощь вам не нужна.

Глаша открыла было рот, чтобы сказать «нет», но передумала и выдавила через силу:

– Нужна. Но я знаю, что бесплатный сыр – только в мышеловке. Мне нечего предложить вам взамен. И я не знаю,

смогу ли вообще расплатиться. А это значит, что говорить нам с вами не о чем. Так что я, пожалуй, пойду.

Она взялась за ручку дверцы.

– Подождите. – Он перегнулся через нее и накрыл ладонью ее руку. Ладонь была теплой. Глаша сжалась и затаила дыхание, но исходящий от него терпкий запах древесной коры и сандала уже заполз ей в ноздри.

– Я не предлагаю вам помощь безвозмездно.

– Не думаю, что в ближайшем будущем у меня появится достаточно средств, чтобы возместить вам затраты.

– Речь не о деньгах. Я попрошу оказать мне одну услугу.

– Какого рода? – насупилась она.

– Не того, что вы подумали, – усмехнулся Райский, и Глаша покраснела от смущения. – Вы попытаетесь узнать, каким образом ваша конкурентка вдруг разбогатела.

– Муля? Вы знакомы с ней?

Он неопределенно пожал плечами, но Глаша успела заметить тень, пробежавшую по его лицу. Он откинулся на подголовник.

– Это все? – удивилась Глафира.

– Не совсем. Остальное вы узнаете позднее. И не тряситесь так. Вашей добродетели ничто не угрожает.

Он кривил душой. Девушка ему нравилась. Она интриговала его. Черный бархат поверх стали. Сейчас у нее было лицо сиротки, потерявшей в этом жестоком мире, но в каждом ее движении проскальзывали женственность и кошачья

грация. Она излучала секс с презрительным безразличием.

Глаша же находилась в не менее трудном положении. Она не знала, как ей реагировать на его предложение – благодарить, подозревать его или послать подальше. Подозрение и злость явно перевешивали. Этот «святой» с обликом демона-искусителя действительно что-то хотел от нее. Она надеялась, что у нее хватит мозгов, чтобы выяснить, что именно.

Глава 10

Чтобы отвлечься, Глаша всю оставшуюся часть дороги развлекалась тем, что представляла себе жилище Райского. Она перебрала в уме множество вариантов – от заурядной квартиры до дворца, пока не сообразила, что ни одна из картинок с Райским не монтируется.

То, каким его дом оказался на самом деле, превзошло все ее ожидания, а главное – дом и Райский словно составляли единое целое. Начать с того, что располагался дом в лесу, точнее – в старой дубовой роще. Роща произрастала хоть и на окраине, но в черте города. Глаша пару раз проезжала мимо, но ей и в голову не приходило, что в этой роще кто-то живет – с дороги дом совершенно не было видно. Зато она прекрасно помнила коттеджный поселок, притулившийся на опушке, как слон, присевший на цветочную клумбу – в том смысле, что скопище огромных уродливых домов было здесь так же неуместно.

От поселка они свернули в лес по широкой асфальтовой дороге. Каким образом Райскому удалось пробить разрешение на строительство в таком месте, оставалось загадкой. С одной стороны, сей факт являлся явным выпендрежем и вызывал у Глаши неприязнь, с другой – место и впрямь было прекрасным.

Дорога упиралась в ажурный кованый забор, огородив-

ший часть рощи. Чугунное литье, как ни странно, ничуть не портило пейзаж, прекрасно сочетаясь с могучими стволами старых деревьев и кружевом золотисто-бронзовой осенней листвы.

За забором весь подлесок был удален, земля засеяна травой, зеленой даже в это время года. Судя по отсутствию опавших листьев, кто-то следил за участком.

Дом напоминал уменьшенную копию средневекового замка. Глаша понимала, что он выстроен не так давно, но это не нарушало иллюзию таинственности. Стены, сложенные из плохо обтесанного серого камня, были увиты диким виноградом, листья которого из густо-зеленых уже успели окраситься красным, отчего создавалось впечатление, что на замок набросили красное бархатное покрывало. В узких окнах-бойницах горел желтый свет, но дом не выглядел от этого приветливее.

Глашу удивило полное отсутствие перед домом цветов или другой декоративной растительности. Очевидно, таким было желание хозяев, поскольку раз уж садовник имелся, он вполне мог бы разбить у входа парочку клумб. Однако вокруг произрастали лишь трава да мох.

Это был чисто мужской дом. Одно из двух – либо жена Райского полностью разделяла его вкусы, либо он был из тех, кто плевать хотел на чье-то мнение.

В холле Глаша окончательно убедилась в том, что попала в совершенно необычное место: прямо из стены росло ко-

рявое, лишенное коры дерево. Переплетенные между собой голые ветви тянулись к потолку и вращались обратно в стены. Девушка не сразу разглядела, что в огромном дупле оборудована самая обычная вешалка. Райский снял куртку, помог раздеться Глаше и сунул одежду в дупло.

Возле стен разместились еще две внушительные коряги. Одна из них, покрытая шкурой какого-то животного, служила чем-то вроде кресла, из другой торчал целый сноп какой-то травы с крупными рыжими метелками вроде тех, с которыми дети играют в «петушок или курочка».

Все вместе больше всего напоминало пещеру людоеда, если бы не медная, тщательно начищенная антикварная люстра под потолком в виде колеса со свечами-лампочками. Такая люстра была бы людоеду не по карману.

– У вас странный дом, но он вам подходит.

Глашин комплимент возымел странное действие. Райский сморщился как от зубной боли, и девушка решила впредь помалкивать.

Они прошли через гостиную, выдержанную в бордово-золотых тонах. По стене карабкался еще один ветвистый ствол, брат-близнец того, что в холле. Сама обстановка была совершенно иной: портьеры из бархата и золотой парчи на стрельчатых окнах, еще одна медная люстра со свечами, только более массивная, подвешенная к потолку цепями, и бархатный пурпурный диван, заваленный разноцветными подушками, похожий на огромный экзотический цветок, распустивший-

ся среди высохших веток.

В белоснежно-кремовой столовой не было ни медных люстр с цепями, ни мертвых деревьев. Зато здесь имелась живая трехметровая пальма, похожая на папоротник-переросток в задрапированной пепельным шелком кадке.

И если бы только она...

За длинным столом, покрытым белоснежной скатертью, ярко освещенным хрустальной люстрой, сидела чертова уйма народа. Ужин был в самом разгаре.

Глаша застыла в дверях как изваяние, потому что одной из присутствующих была... Муля.

– Это что, шутка? – гневно обернулась Глаша к стоявшему позади нее Райскому.

– А я не говорил, что будет легко, – буркнул Павел.

Для Мули появление Глафиры в этом доме, судя по всему, также явилось полной неожиданностью. Челюсть ее отвисла. Она оставалась в таком положении несколько секунд, потом пришла в себя и захлопнула свою плевательницу, а также достаточно сносно изобразила имитацию улыбки.

– Добрый вечер, Павел Аркадьевич! – сладко пропела она. Райский в ответ небрежно кивнул.

Глаша тем временем успела сориентироваться.

Сидящие за столом разглядывали ее с удивлением и разной степенью заинтересованности. Одна из дам так и застыла с солонкой в руке. Мужчины отложили вилки. Дочь Мули, Карина – а она тоже была здесь, – выглядела испуганной.

Сначала Глаше хотелось провалиться под землю или хотя бы удрать. Чуть позже она уже решила «какого черта». Ею овладел азарт. Она не сделала ничего плохого, чтобы сбежать, и была слишком голодна, чтобы устраивать разборки со Святым прямо сейчас. Стол ломился от самых разнообразных блюд, и Глафира решила, что сначала наестся на халяву, а потом скажет Райскому, что он может повесить свое высокомерие и извращенное чувство юмора себе на ухо и дважды закрутить его в трубочку.

Она заметила свободный стул и двинулась прямо к нему, не обращая внимания на недоуменно-косые взгляды собравшихся. Такой смелости не ожидал даже Райский, но он сумел скрыть свое удивление.

На самом деле Глаша просто перестала играть по выдуманным ею правилам. Ее мать, когда надо, умела забыть о приличиях. Теперь, когда тайна Глаши раскрыта, ей нет смысла прятаться за ширму благопристойности, особенно перед такими людьми, как эти снобы с вытянутыми лицами.

Глаша села на стул, обитый вышитым атласом, и придвинула к себе ближайшую тарелку, которая на первый взгляд выглядела чистой.

– Что это за цирк? – возмутилась Муля. – Кто тебе позволил сесть за стол?

Глаша вскинула брови:

– Позволь спросить – это твой дом? Ты здесь хозяйка? – Глаша прекрасно знала ответ. Ей было хорошо известно, что

Муля с дочкой проживает в однокомнатной хрущобе.

Вопрос Мулю смутил.

– Нет, – проблеяла она, – но...

– «Но» меня не интересует, – отрезала Глаша. – Вот он меня пригласил! – Она махнула в сторону Райского вилкой, которую стянула у соседа. – Господин Райский, посоветуйте, что тут можно съесть без риска отравиться? Вы, кажется, похвалялись своей поварихой?

– Наталья Алексеевна в самом деле виртуоз! Готовит волшебно, – нарушила молчание женщина, которая наконец избавилась от солонки.

Глаша взглянула на нее повнимательнее. Когда-то, будучи еще ребенком, она побывала вместе с мамой в Малайзии. На одной из экскурсий на них налетела целая стая обезьян, штук двадцать, не меньше. С истерическим визгом они напали на туристов, отбирали у них фрукты, бутылки с водой, пытались вырывать из рук пакеты и сумки. Глаша тогда здорово испугалась.

Мелкая и костлявая, одетая в нелепый фиолетовый мохнатый джемпер, эта дамочка сильно смахивала на такую же, только сильно исхудавшую обезьянку, причем совершившую набег на дорогой косметический салон и прихватившую в виде добычи годовой запас косметики – настолько щедро была наштукатурена ее остренькая смуглая рожица. Яркий макияж ее не красил, но придавал некоторую пикантность. Сходство с мартышкой усиливалось из-за почти полного от-

сутствия волос на голове: они были сострижены почти под ноль.

Маленькие черные глазки смотрели цепко, в них светились ум и расчетливость.

Дамочка вполне подходила на роль жены Райского в том смысле, что ей было по силам удержать фирму от полного разорения. Однако Глафира испытала вдруг нечто вроде сочувствия к Райскому – жениться на такой мог только святой.

Похвалив повариху, дамочка тем не менее не предложила девушке отведать какое-либо блюдо. Глаша хмыкнула и решила не церемониться. В конце концов, в гости она не напрашивалась. И Райский хорош, привел девушку в дом, а теперь стоит безмолвным истуканом.

Глаша плотоядно оглядела стол и заметила блюдо с жареной курицей. Цапнув румяную ножку, она плюхнула ее на тарелку, затем ковырнула вилкой поджаристую хрустящую корочку и собралась отправить ее в рот. Присутствующие глазели на нее, как на привидение, позабыв про еду, но Глаша решила не отвлекаться.

Райский подошел наконец к столу. Свободных стульев не было. Ему пришлось взять один из тех, что стояли вдоль стены. Он поставил его рядом с Глафирой и уселся, весьма довольный собой.

Кроме Карины, ее матери, сидевшей с совершенно потерянными видом, и дамочки-обезьянки за столом имелись: какой-то скучный тип и ухмыляющийся брюнет бандитского

вида в красном шерстяном свитере, который совсем не вписывался в роскошную обстановку.

У унылого типа были настолько жидкие волосы, что это бросалось в глаза. Он компенсировал количество длиной и отрастил волосы с обеих сторон так, что они свисали над ушами. Это придавало ему неопрятный вид, хотя одет он был дорого и аккуратно.

Глаша, с азартом поедая курицу, не переставала удивляться тому, насколько разношерстная подобралась компания и зачем Райскому понадобилось тащить ее в этот гадючник. В том, что он преследовал какую-то определенную цель, она не сомневалась.

– Послушайте, Павел, где вы подобрали эту девицу? – вновь подала голос фиолетовая дамочка. – Она ест, как голодная кошка. Мне кажется, я даже слышу урчание!

– В отличие от тебя, Элла, человек целый день работал! – заметил Райский.

– Тебе, Эллочка, это только кажется, – добавил брюнет. – Девушка просто проголодалась. Здоровый аппетит украшает женщину!

Дамочка по имени Элла сжала губы в ниточку, но пилюлю проглотила молча.

– Спасибо на добром слове, – поблагодарила Глафира. – Вкусная курица! Я, пожалуй, возьму себе еще!

– Только не подавись! – прошипела Муля.

– Не надейся. – Глаша передернула плечами.

Райский поднялся, сходил к буфету за чистым фужером, налил из хрустального штофа какой-то красный напиток и поставил перед Глашей.

Девушка подозрительно принюхалась.

– Не бойся, это всего лишь сок, – усмехнулся Павел. – Запей, а то и впрямь подавишься!

Глаша снова пожала плечами и глотнула из бокала. Вишневый нектар, и очень вкусный.

– Павел, вы не хотите представить нам вашу гостью? – не унималась Эллочка.

«Похоже, это не жена, – порадовалась Глаша за Райского. – С чего бы жена стала ему «выкаты»?»

– С удовольствием, – кивнул Павел. – Глафира Морозова.

– Что-то я не помню, чтобы называла свою фамилию, – пробормотала Глаша себе под нос, окидывая Райского недобрый взглядом. Тот удачно сделал вид, что не заметил этого.

– Моя дорогая, у вас такое странное имя! – промурлыкала Эллочка. – Какое-то оно... старомодное. Вы не находите, Пашенька?

Глафира не сразу поняла, что она обращается к Райскому. Имя Паша, а тем паче – Пашенька, удивительно не шло ему. Ей показалось, что по его лицу пробежала тень, но было неясно, на что направлено его раздражение – на Эллочку или на абсурдность ситуации.

Эллочка продолжала ждать ответа. Она была сама невин-

ность с широко раскрытыми глазами, которые, впрочем, не стали от этого больше.

Поскольку Павел молчал, Эллочка переключила свое внимание на Глашу.

– Вы, наверное, из глубинки, милая? Такие имена еще сохранились в деревнях, среди простого народа...

Глафира открыла было рот, чтобы возразить, но Эллочка остановила ее, театрально взмахнув рукой.

– О, нет! Не нужно стесняться своего происхождения! – возвестила она голосом начинающей поэтессы, протяжно и с подвыванием. – Вы должны раз и навсегда освободиться от этих иссушающих душу беспокойных мыслей! Не переживайте! Верьте в себя, и вселенная не оставит вас! Даже с нелепым именем с вами все будет хорошо, просто прекрасно!

На присутствующих речь Элочки не произвела впечатления, очевидно, подобный слог был ее обычным выражением мыслей, но у Глаши кусок застрял в горле. Она вовсе не считала свое имя нелепым и не имела к деревне никакого отношения, но чокнутая тетка ей и пикнуть не дала, и теперь Глаша впала в ступор. Она так растерялась, что на время выпустила Мулю из поля зрения. Когда она заметила коварную улыбку, заигравшую на ее лице, было уже поздно.

– С чего ты решила, дорогая, что Глаша из деревни? – с напускной наивностью возразила Муля.

– А разве нет? – захлопала та густо покрашенными рес-

ницами.

– Ничего подобного! – заверила Муля с жаром. – Просто мама Глаши была большо-о-ой оригиналкой. Правда, дорогая?

Глаша со стуком положила вилку на стол и сжала зубы. Она дернулась, чтобы встать, но горячая рука Райского под столом стиснула ее колено и удержала на месте. В отместку Глаша с силой наступила ему на ногу. Он даже не поморщился.

– Как интересно! А кто ваша мама, деточка? Историк? Филолог? Искусствовед? – принялась Элла гадать с детской непосредственностью.

– Почти! – хохотнула Муля. – Ее мать актриса. Причем очень известная!

В гробовой тишине каждое слово падало на голову Глаши как кирпич.

– Актриса? – То, что было нарисовано на Эллочкином лице вместо бровей, взметнулось высоко вверх. – О! Как интригующе!

– Морозова? Что-то не припоминаю актрису с такой фамилией, – неожиданно подал голос унылый тип.

Глаша взглянула на него с неприязнью.

– А фамилия, Альберт Натанович, была совсем другая. – Муля с удовольствием заколачивала гвозди в гроб Глафиры.

Глаша перехватила умоляющий взгляд Карины, который перебегал с нее на Мулю. Девушка мучительно краснела от

стыда, но понимала, что мать не оставила несчастной ни малейшего шанса на спасение.

Сердце Глафиры бешено колотилось, кровь шумела в ушах. Она уже сильно жалела, что не провалилась сквозь землю в начале ужина.

– Амалия, ну не томите! Глаша, скажите же наконец, кто ваша мама?

– Ваша мама умерла? – проявил неожиданную наблюдательность Альберт Натанович.

– Боже, что вы говорите такое? – всплеснула руками Эллочка, а Глаше отчаянно захотелось ударить ее по башке чем-нибудь тяжелым.

– Ничего крамольного. Амалия сказала «была». Так ведь говорят о покойниках?

– Поменьше бы читали детективов, милый доктор, – словно про себя произнес парень в красном свитере. Он, похоже, был единственным, кому история не казалась увлекательной.

Все в ожидании смотрели на Мулю. Оказавшись в центре внимания, Муля приосанилась. Жирные складки на ее боках приобрели монументальность. Она напоминала жирную гусеницу, вставшую на хвост, чтобы полакомиться свежим листочком.

– Амалия! – простонала Эллочка, изнемогая от любопытства.

– Мама, не надо! – еле слышно прошептала Карина.

Какое там! Муля вошла в раж. Ей подвернулась возмож-

ность раскатать своего врага в лепешку. Да не просто так! Что там продавщицы в магазине – можно сказать, свои люди и повидали всякое. А здесь, среди приличных людей, при Павле Райском, который, может быть, запал на эту выскочку... Когда он узнает правду, даже не взглянет больше в ее сторону.

Набрав в грудь побольше воздуха, Муля медленно и отчетливо произнесла вслух имя Глашиной матери.

По комнате, как сквозняк, пронесся тихий возглас.

– Как, та самая, которая...

Элочка не договорила, но в глазах ее уже зажегся нездоровый интерес.

О, да! Имя Глашиной матери знали все. Кинозвезда, певица, красавица. Ей поклонялись миллионы! Ее добивались первые лица страны, а она умерла от передозировки наркотиков в компании молодого рокера. Наркоманкой мать не была. Это Глаша знала точно. До сих пор неизвестно, кто подсунул ей смертельную дозу. Возможно, кто-то из ревнивых любовников. Мама меняла их, как перчатки, и это тоже было достоянием гласности, как и то, что все они были намного моложе ее.

Глаша жадно глотнула сок из фужера, у нее внезапно пересохло горло. Она не видела взглядов, обращенных на нее, но чувствовала их всей кожей, как липкие ядовитые щупальца.

Несмотря на грязные сплетни, Глашина мать не была раз-

вратной. Она была смелой и больше всего ценила свободу. Она умела любить и всегда хотела быть любимой. Ее имя впервые прогремело много десятков лет назад, когда она стала звездой в одночасье. А потом о ней забыли на долгие десять лет. За это время она родила дочь и приобрела неистребимое желание вернуться туда, где от нее избавились как от ненужной вещи. И она вернулась! Она смогла! Ее снова носили на руках. Но она не простила. Все ее выходки были откровенным вызовом обществу. Они думали, что глумятся над ней, обсасывая в прессе пикантные подробности, а на самом деле это она смеялась над их моралью, снобизмом и лживой добродетелью. Она не прятала любовь от людских глаз, она протягивала ее на ладонях. Если тупая толпа отвергла ее дар, то их всех можно только пожалеть.

Внезапно страх Глаши будто растворился. Ее мама ни за какие блага не стала бы скрывать родство со своей дочерью, как бы низко та ни пала. И она, Глаша, не станет. Что бы о ней ни подумали, она останется верна себе.

И своей матери...

В полной тишине Глаша встала со своего места. Ее никто больше не удерживал. Она посмотрела на собравшихся. Их нездоровое любопытство теперь вызывало у нее лишь брезгливость.

– Куда же вы, дорогая моя? – заволновалась Эллочка, как маленький ребенок, у которого отбирают конфетку.

Девушка облизнула губы и небрежно улыбнулась:

– Мое присутствие здесь необязательно. – Она обернулась к Райскому. – Спасибо за ужин.

– Но...

Глаша не хотела слушать. Она развернулась и пошла к двери. Она держала спину прямо, но ноги ее дрожали, и больше всего она боялась поскользнуться на скользком паркете.

– Оставайтесь, дорогая моя! Мы не имели в виду ничего дурного! – промурлыкала Эллочка. – В конце концов, это не вы совершали все те аморальные поступки! Мы понимаем вас и сочувствуем...

– Заткнись.

Резкий голос брюнета прозвучал как пощечина. Глаша благодарно улыбнулась ему, хотя он вряд ли нуждался в ее благодарности. Когда она перевела взгляд на Эллочку, ее глаза были холоднее, чем камни в горной реке.

– Вас ведь интересует, кто, где и сколько раз трахнул мою матушку... дорогая моя? – уточнила Глаша внезапно охрипшим голосом. – Правду вы слушать не станете, а грязные сплетни вам с восторгом выложит ваша специалистка по помоям.

– Но я не понимаю, почему...

– Это просто, – заметила Глафира сочувственным тоном. – Потому, что вы – тупая.

Подвижная мордочка Эллы вытянулась и побагровела. Карина истерично хихикнула и тут же зажала рот ладошкой.

– Да как она...

– Заткнись! – рявкнул Святой.

Глава 11

Выведенная из себя откровенными намеками, Глафира выскочила из столовой. Плевать ей, что они подумают. Пусть себе перемывают ей кости, как стая голодных собак.

Сердце ее стучало, каждый нерв напрягся как струна. Пробегая через пурпурную гостиную, погруженную в полумрак, она совсем забыла о дереве, шарахнулась от огромной корявой тени и, очевидно, перепутала двери, так как вместо холла почему-то оказалась в огромной светлой кухне.

Девушка сощурилась от неожиданно яркого света, прикрыла глаза рукой и услышала насмешливый женский голос:

– Если ты не моя новая помощница по хозяйству, деточка, то тебе тут не место!

– Что? А где я?

– Э, да ты, я вижу, не в себе. – Женщина подошла ближе, и Глаша смогла ее рассмотреть.

Судя по фартуку, надетому поверх просторного платья, перед ней была кухарка. Глаша всегда считала, что приставленные к котлам люди непременно должны быть толстыми. Наталья Алексеевна ее теорию опровергала. Глаша не увидела ни пухлых щек, ни мягкого живота, ни необъятного бюста. Женщина выглядела поджарой и скорее напоминала русскую борзую: вытянутое удлинненное лицо, рыжеватые-седые курчавые волосы, жилистые руки и ноги. Внимательные свет-

ло-карие глаза смотрели на Глашу с дружелюбным интересом, кончик длинного носа слегка шевелился, как будто повариха принюхивалась.

– Прости, если напугала. Откуда ты взялась?

Глаша взглянула на женщину умоляюще:

– Можно я сяду?

– Валяй.

Глаша рухнула на деревянный стул и почувствовала, что дрожит. Сил, чтобы сохранять внешнее спокойствие, у нее не осталось.

– Чаю хочешь? – спросила Наталья Алексеевна. – Или чего покрепче?

– Нет, спасибо. Я ужинала.

– Вот как? Так ты прямо из столовой? Странно, – повариха взглянула на Глашу внимательнее, – Элла Антоновна сказала, что будет шесть человек, а ты, выходит, седьмая?

– Павел Аркадьевич пригласил меня неожиданно, вас не успели предупредить, – ответила девушка уклончиво.

Почему-то этот ответ кухарке понравился. Она присела напротив Глаши на массивный дубовый табурет, облокотилась на стол и неожиданно заявила:

– Слава богу, что ты не из этих.

– Из каких?

– Ну, не из друзей-подруг нашей Элочки-людоедки. – На лице поварихи появилось такое отвращение, что Глаша улыбнулась.

– А кто она, эта Эллочка?

– А тебе разве Павел не рассказывал?

Глаша усмехнулась. Она поняла, что Наталья Алексеевна умеет не только восхитительно готовить жареную курицу. Мозги у нее работали как надо.

– Я ничего не знаю о семье Павла, – ответила Глаша осторожно.

– Где это ты увидела семью? – Женщина возмущенно фыркнула.

– Но разве...

– Не знаю, зачем я тебе это рассказываю, но Эллочка – просто приживалка, что бы она из себя ни строила.

– Так она?..

– Сестра его жены.

– И вам она не нравится!

– Ни она, ни весь тот сброд, что она сюда притащила. Полоумная истеричка.

– Мне действительно показалось, что она странно разговаривает, Мулю, то есть я хотела сказать – Амалию, я хорошо знаю и разделяю ваше мнение.

Где-то громко хлопнула дверь, и Глаша вздрогнула. Повариха снова бросила в ее сторону внимательно-изучающий взгляд. Она поднялась, затем хлопнула по столу ладонью:

– Вот что – вижу, что эта шайка тебе чем-то досадила. Это они умеют. У меня есть средство поднять тебе настроение.

Она подмигнула Глаше, подошла к плите и вытащила из

духовки блюдо с пирогом. Лимонный аромат заполнил кухню. Золотистая корочка пирога, усеянная янтарными шариками лимонного желе, выглядела аппетитно.

– Но это, наверное, для гостей? – попыталась возразить Глаша.

– Обойдутся и печеньем. А Павлу я оставлю кусочек. Ешь! Она отхватила большим кухонным ножом внушительный ломоть пирога, поддела его широким лезвием, переложила на тарелку и придвинула Глаше. В огромную кружку налила горячий чай.

Себя Наталья Алексеевна тоже не обделила, и какое-то время они просто пили чай. Пирог таял во рту. Наслаждаясь вкусом, Глаша незаметно для себя успокоилась. Наверное, правду говорят, что сладкое успокаивает нервы.

– Тебя как звать-то? – спросила повариха.

– Глаша. Глафира то есть.

– Надо же! Какое имя милое. Редкое сейчас.

– Да уж... – вздохнула Глафира.

– А ты, я гляжу, не рада?

– Чему уж тут радоваться? С детства дразнят.

– Глупости. Имя у тебя замечательное.

– Угу. Меня только что за колхозницу приняли.

– Эти-то? Да что они знают? Имя Глафира – греческое, означает, если память мне не изменяет, «изящная, утонченная». В жизни женщины с таким именем все таинственно и романтично.

– Эт-точно, – поддакнула Глаша. – Таинственного в моей жизни хоть отбавляй. Особенно в последнее время.

– Вот видишь! Еще Глафиры красивые, – Глаша скривилась, – тактичны, – Глаша с ужасом вспомнила, как «тактично» она обозвала Эллочку тупой, – и прекрасно владеют искусством обольщения!

– Вот чего нет, того нет. С мужиками мне не везет, – категорично возразила девушка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.